Д896
В191.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ
АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Выпуск 36

В. Н. ВАСИЛЬЕВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ СРЕДИ АЛДАНО-МАЙСКИХ И АЯНО-ОХОТСКИХ ТУНГУСОВ

в 1926—1928 годах

ДВГНБ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1930

ЭР01003

(для отгрузки на внутренний рынок)

ия ..... 1931 г.

а .....

Ст. назначения .....

через .....

Вагон № .....

ж. д. дуб. накл. № .....

мест .....

ИТОГО

Ср

вес

4615 ✓

3/VIII

ДВГНБ

ЭР01003

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ СРЕДИ АЛДАНО-МАЙСКИХ И АЯНО-ОХОТСКИХ ТУНГУСОВ

ДВГНБ

ЭР01003

ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

MATÉRIAUX DE LA COMMISSION POUR L'ÉTUDE DE LA RÉPUBLIQUE AUTONOME SOVIÉTIQUE SOCIALISTE IAKOUTE

Livraison 36

V. VASILJEV

COMPTE-RENDU PRÉLIMINAIRE DES TRAVAUX EFFECTUÉS PARMI LES TOUNGOUSES DES RÉGIONS ALDAN-MAÏA ET AÏAN-OKHOTSK en 1926—1928

ДВГНБ

PUBLIÉ PAR L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
LENINGRAD
1930

ЭР01003

50.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Д3696 18 + XXVII, 3
13/91

Выпуск 36

Проверено
1950 г.

В. Н. ВАСИЛЬЕВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ СРЕДИ АЛДАНО-МАЙСКИХ И АЯНО-ОХОТСКИХ ТУНГУСОВ

в 1926—1928 годах

ДВГНБ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1930

ЭР01003

ДВ
государственная
научная библиотека

1940 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Май 1930 г.

Непременный Секретарь академик *В. Волгин*

Представлено в Президиум АН 29 I 1930

Начато набором в марте 1930 г. — Окончено печатанием в мае 1930 г.

2 тит. л. + 85 стр. + 1 карта

Статформат $Б_5$

Ленинградский Областлит № 56852. $5^{12}/_{16}$ печ. л. Тираж 870. Заказ № 918

Государственная типография имени Евгении Соколовой, Ленинград, проспект Красных Командиров, 29

ЭР01003

ДВГНБ

I

На огромном пространстве северо-востока Сибири, от Енисея до Камчатки и от берегов Ледовитого моря почти до Сибирской железной дороги и границ Маньчжурии, частью бродит в рассеянии, частью обитает полуоседлыми группами вторая по численности после якутов в этом крае народность — тунгусы. Живя тут в тесном соприкосновении как с обитавшими ранее их аборигенами края, так и с более поздними пришельцами — якутами и русскими, часто смешиваясь с ними и легко поддаваясь их ассимилирующему влиянию, они во многих местах уже почти утеряли свои национальные черты. И этот процесс усвоения ими чуждых им до того нравов, обычаев, верований и языка, с утерей своей самобытности с годами все прогрессирует, а в настоящее время, особенно после революции, идет уже столь ускоренным темпом, что не лишено вероятия полное растворение их в массе более сильных соседей, и, возможно, в недалеком же будущем тунгусов, как таковых, мы уже не найдем.

Но, несмотря ни на эту большую рассеянность их, сталкивающую нас с ними довольно часто, ни на легкую ассимиляцию их с другими народностями, что также известно не со вчерашнего дня, до сего времени мало что сделано для их изучения. Одна из интереснейших несомненно народностей — тунгусы — по сей день остается одним из наименее известных нам элементов населения наших окраин. Кроме классических общих трудов наших старых исследователей, да очень немногих, известных наперечет работ некоторых авторов по отдельным районам, в литературе о них ничего почти нет. Особенно же не повезло в этом смысле, если можно так выразиться, части полуоседлых тунгусов р. Алдана и бродячим тунгусам [1] бассейнов рр. Маи и Учура и всего Охотского побережья, где мало кто был из исследователей, да и то лишь кое-где.

[1] Как здесь, так и ниже везде мной употребляются термины „бродячие тунгусы“ и „полуоседлые тунгусы“ как более соответствующие характеру быта этих двух групп туземцев. Первые — именно „бродят“ беспорядочно в разных местах по тайге, в погоне за зверем и пастбищами, в зависимости часто от случайных причин, без сколько-нибудь определенных циклов и маршрутов кочевки. Вторые, хотя и имеют постоянные жилища

ЭР01003

Широко поставленная Комиссией Академии Наук СССР по изучению Якутской АСС Республики организация пятилетней Якутской экспедиции позволила, наконец, приступить также и к изучению тунгусов, направив внимание в первую очередь именно в этот только-что указанный, мало известный район.

Недостаточность, однако, и средств и сил, не позволили и тут охватить работу в полном объеме, почему решено было произвести хоть частичное и не вполне исчерпывающее изучение этой народности, ограничив и самый район изучения все же довольно обширным, правда, треугольником — Якутск, Аян и Охотск.

Исполнение этой задачи Якутской комиссией было возложено на меня.

Предполагалось начать экспедицию из Якутска, выехав оттуда на работы 1/X 1926 г. Но не все предположения, как известно, оправдываются. Так вышло и тут.

Приехав в Якутск 21/IX 1926 г., я тут же приступил к собиранию сведений и данных по району предстоявшей мне работы. Необходимо было иметь хотя бы приблизительное представление о предстоящих условиях работы, без чего невозможно было бы составить себе хоть какой-нибудь план. Собранные сведения оказались далеко не благоприятными. Они рисовали во-первых полный развал и падение тунгусского оленного хозяйства, как результат длившейся несколько лет в крае гражданской войны, а во-вторых уход и рассеяние и самих тунгусов со своих мест, вследствие тех же причин. В результате всего этого вырисовывались катастрофичность и чрезвычайная дороговизна транспортного вопроса в тайге. Относя даже значительный процент в этих сообщениях за счет преувеличений и застращиваний, явления обычного при подготовках к подобным поездкам в тайгу, я не мог, тем не менее, не усомниться в возможности выполнения взятой на себя задачи при крайней ограниченности отпущенных на это средств. По смете экспедиции на передвижение мне было ассигновано по 30 коп. километр на маршрут в 4000 *км.* О сокращении маршрута нечего было и думать. Пришлось поднять телеграфно перед Якутской комиссией вопрос о повышении проездного расхода до 40 коп. километр, что и было тогда же разрешено. Но и такое усиление средств оказалось совсем недостаточным, как это выяснилось потом.

Предположения о выезде из Якутска 1/X оказались также неосуществимыми по целому ряду причин, не зависевших совершенно ни от

в известных урочищах, но, в зависимости от урожая трав и прочих условий, также не живут постоянно в одном месте, иногда перекочевывая по несколько раз в год с места на место, а то и вовсе не зимуя в своих постоянных жилищах. Этой же терминологии держится и Н. А. Майнов.

ЭР01003

экспедиции, ни от Якутской комиссии. Прежде всего осень и начало зимы 1926 г. были исключительно бесснежны. В районе Якутска до самого декабря почти не было снега, чем задерживалась всякая возка грузов, ибо не было ни тележного, ни санного пути. Выезжать же из Якутска вьючным снаряжением для переснаряжения потом в пути на санное было мне не по средствам по своей дороговизне, особенно в бездорожную пору. Откладывался выезд из Якутска и в силу задержки в пути высланных из Ленинграда почтой фотоматериалов и пластин (чуть не до 50 *т* почты почему-то были задержаны в верховьи Лены и, отправленные с большим опозданием, застряв в пути, были доставлены в Якутск лишь в декабре, уже санным путем). В магазинах Якутска, до получения этой почты, не было ни одной дюжины фотопластин, ни иных материалов. Посылки же мои получились лишь 2 и 14/XII, да и то совершенно промоченные и смерзшиеся так, что коробки пластин можно было отделять друг от друга, лишь оттаяв их предварительно. Задержался, наконец, и перевод денег из Ленинграда, полученный мной только 21/XI в Якутске.

Ведшееся исподволь снаряжение к экспедиции, за исключением фотографической части, было давно готово, как готов был к выезду и найденный мне В. М. Чистовым и подряженный мной до Нелькана надежный возчик, почему, по получении первой партии фотопосылок, мы решили было тронуться немедленно в путь. Но тут неожиданно возникла новая недельная отсрочка, вызванная нуждами начавшейся переписи. Якутское статистическое управление обратилось ко мне с предложением взять на себя организацию сельскохозяйственной переписи по всему подлежавшему моему объезду району. Предложение мне улыбалось, так как с отпуском дополнительных средств от указанного управления усиливались и мои средства на передвижение и являлась вместе с тем возможность подкрепления моих этнографических материалов весьма ценными статистическими данными, почему я охотно согласился на него при условии, чтобы было испрошено на это согласие Якутской комиссии. Согласие это вскоре было получено, в ответ на сделанный Председателем Совнаркома Якутской АССР М. К. Аммосовым запрос, и таким образом к предстоявшей мне работе прибавилась новая большая задача. Надо сказать, кстати, что перед этим, также с согласия Якутской комиссии, я взялся собрать еще попутно этнографическую коллекцию по тунгусам для Якутского музея.

Окончив все формальности по дополнительному заданию Якутского статистического управления, 16/XII я выехал, наконец, на трех санных подводах, с кладью до 750 *кг*, из Якутска к устью р. Маи на Алдане, через с. Амгу.

ЭР01003

Путь наш лежал не старым трактом, через Буор-Ылар, а через с. Павловское, где шел новый почтовый тракт.

Расстояние тут немного длиннее, но зато путь ровнее, без тех больших сравнительно подъемов и спусков, какими изобилует Буор-Ыларское направление. Дорога оказалась очень тяжелой. Несмотря на такое позднее время года, снега оказалось здесь необычайно мало, и местами он был перемешан с песком и землей, где полозья саней заедались, словно приклеенные. Двигались медленным шагом, делая каких-нибудь 3 *км* в час. Дня два пути здесь показали, что по такой дороге не удастся двигаться быстрее при наших траспортных средствах. Пришлось купить сверх наемного транспорта еще одну лошадь, с тем, чтобы продать ее потом в Нелькане за свою цену (так потом и было сделано). С этой покупкой передвижение наше пошло несколько легче. И все же, даже с этой добавочной подводой, двигаясь ежедневно, в среднем, с 5 час. утра до 5 час. вечера, только 21/XII я добрался до Амги, да и то уехав с последнего станка вперед от своего транспорта, на почтовых.

Пройденная тут дорога оказалась совершенно разрушенной за годы гражданской войны и начала только что ремонтироваться в этом году. Мосты отсутствовали, сгорев или обвалившись, и их приходилось объезжать далеко стороной. Только часть мостов была восстановлена или строилась вновь. Станционные помещения были также сожжены, и станки не функционировали. Лишь на станках Ханкоику и Крестях, близ Амги, были поставлены временные помещения, и в них поселились уже содержатели станций: на ст. Крестях сидел только один молодой парень, всего лишь за несколько дней до нас выехавший сюда из Амги с одной парой лошадей. Шло таким образом восстановление почтового сообщения.

В Амге пришлось просидеть несколько дней и дать передохнуть нашим лошадям. Воспользовавшись этим, мы перестроили здесь более легко наши тяжелые сани и перераспределили груз, выправив кой-какие выявившиеся дефекты, и пополнили еще кое-чем наш запас провианта. По рассказам местных жителей, предстоявший нам впереди путь до Алдана был еще хуже, чем пройденный. Гражданская война разогнала все население старого тракта Амга — Усть-Майское, где были сожжены до тла все жилье и мосты. Еще зимой 1925—1926 гг. едущим из Амги в Петропавловское на Алдане, или обратно, приходилось ночевать в пути в возимых с собой палатках и брать с собой сено для корма лошадям. В лето 1926 г. дело и здесь начало немного поправляться. В покосные места по тракту выехали некоторые семьи якутов и, заготовив там летом сено, перекочевали туда осенью со скотом, почему можно было рассчитывать на этом пути на наличие хотя нескольких юрт для ночлега и сена для корма лошадей до самого Алдана.

ЭР01003

Чтобы приехать в Петропавловское раньше своего транспорта и успеть до прибытия его сделать там кое-что, я нанял в Амге одну легковую подводу, на которой и выехал 25/XII одновременно с своим транспортом. Однако, далеко от своего груза я не уехал вперед на своей легкой подводе. Насколько путь от Якутска до Амги был бесснежен, настолько он дальше отсюда оказался напротив завален им и задут ветрами. В результате в этот день мы заночевали вместе с обозом моим в 20 *км* от Амги, в аласе Сасыл-сысы, прославленном тем, что здесь герой революционной борьбы в Якутии Строд с тремя сотнями красноармейцев и добровольцев свыше трех недель отбивался от окружившего его генерала Пепеляева. На другой день мы уехали уже от моего обоза вперед, выехав в 4 часа утра и перевалив по Женкунскому перевалу через правобережную горную цепь р. Амги, проехали в этот день 50 *км* и ночевали в уроч. Хатарчима-Тёрдё. Еще через один ночлег после этого в уроч. Болуоттах, 29/XII вечером я был уже в с. Петропавловском, где нашел пристанище у заведывавшего в это время Аэрометеорологической станцией Якутской комиссии Д. В. Тарбеева, обогнав транспорт свой почти на два дня.

Путь от Амги до с. Петропавловского оказался действительно соответствующим рассказам. На всем перегоне километров в 180 имелось в этот мой проезд по тракту всего лишь несколько юрт, недавно построенных, где люди обитали рядом со своим скотом. Вся дорога усеяна, по словам жителей, следами бывших тут многочисленных столкновений. Стащенные с мест могильные памятники, употребленные для прикрытия от обстрела, валяющиеся всюду остатки разбитых саней, седел, костяки павших лошадей и быков и т. п. частью видны и зимой. Состояние дорог в летнее время, видимо, невозможное. Мостов нигде нет и в помине. Гати многочисленных болотин, за отсутствием ремонта, все поразвалились и сгнили, и дорога в летнее время, говорят, стала трудно проходимой даже для верховой езды налегке, без всякого груза.

Петропавловское, больше чем на километр растянувшееся в одну улицу на высоком левом берегу р. Алдана, в сравнительно недалеком прошлом, у своих прежних владельцев — скопцов — было довольно богатое (более известное в ту пору под именем Чаран) благоустроенное село. В настоящее время оно также в упадке. Дома, не ремонтируемые, стареют, разрушаются. Имеются дома пустые и заброшенные. Кой-где пустыри на месте бывших пожарищ. По дворам и загонам у жителей масса неубранного навоза. Всюду мусор и грязь. Все вместе взятое создает впечатление неуютности, неряшества. Километрах в трех далее, на противоположном, правом берегу реки виднеются разбросанные дома деревни Троицкой. Ниже Петропавловского, километрах в 7 от него, по тому же берегу, против устья Маи — селение Усть-Майское. Лет 30—40

ЭР01003

назад оно было живым торговым местом, являвшимся административным и торговым центром довольно большого района. Теперь же Усть-Майское совсем захирело. Большинство строений его совершенно исчезли: частью сгорели, а частью разрушены и растасканы на топливо оставшимися жителями. Иные из обитавших там семейств уже вымерли без остатка, другие — выселились, и из русских там остались лишь две-три семьи бедняков. Вместо же остального бывшего русского населения там поселилось несколько также бедных семей тунгусов. Внешний вид деревни по разбросанности редких разваливающихся домишек среди громадных пустырей, частью занятых пашнями, напоминает скорее туземное стойбище, чем русскую деревню.

Из трех этих селений — Петропавловское является теперь административным центром русского населения всего района. Там сосредоточены: сельсовет, школа, фельдшерский пункт, клуб и отделения торговых организаций. Последних в мой приезд имелось там четыре (из шести имевшихся за год-два до этого), а именно: отделения Якутторга, Сибгосторга, Сельхозсоюза и Сырья. Все эти фактории вели между собою ожесточенную конкуренцию, распуская свои товары в кредит и тем вызывая рост задолженности тунгусов. Амбулатория медпункта жалкая, почти без лекарств, нередко месяцами стоит закрытой за отсутствием фельдшера. Клуб, за недостатком работников, существует кое-как, пробавляясь редкими собраниями, да устройством доморощенных спектаклей. Слышались жалобы и на слабую постановку школьного дела. Интерната при школе нет, почему дети усть-майцев не ходят в школу совсем, а из Троицкого ходят лишь немногие, да и то с перерывами на время рекостава осенью и ледохода весной. В селении Усть-Майском помещается лишь тунгусский улусный исполком; никаких иных учреждений в нем нет. В Троицком вообще нет никаких учреждений и организаций; широкой известностью пользовались зато процветавшие там в этот мой проезд самогоноваренные предприятия.

Основное занятие русского населения названных селений—сельское хозяйство. Все оно занимается хлебопашеством, огородничеством, сенокошением и разведением скота. Но особенного усердия ни к одной из этих отраслей хозяйства не заметно. Работают с достаточной ленцой. Пашни у петропавловцев и троичан в большинстве бывшие скопческие. Новых расчисток леса под пашни почти не ведется. Да и скопческие старые пашни частью заброшены и уже поросли густой чащей березы или молодых мелких лиственниц, а частью провалились от таяния подпочвенной мерзлоты. Покосы также используются больше унаследованные от тех же скопцов, причем часто пользуются для сенокоса трудом тунгусов. Так же обстоит дело с этими отраслями хозяйства и у усть-майцев, наследовавших свои угодия от прежних обитателей селения.

ЭР01003

Сеются: пшеница, рожь, овес и ячмень. Огородничеством занимаются все, но не в большом масштабе, на свои лишь потребности, садя простейшие овощи. Иные садят огурцы, редис, укроп, петрушку, но немногие. Скот держат конный и рогатый. Других домашних животных очень немного. Из птиц разводятся почти исключительно куры. Иные занимаются еще рыболовством, охотой и возкой клади, но лишь между прочим, как подсобными промыслами.

В Петропавловском районе по смыслу своего задания мне надлежало бы задержаться месяца на два-три для обследования тунгусов Алдано-Майского улуса. Но запоздание с выездом из Якутска и условия предстоявшей впереди работы не позволяли тут засиживаться. С первого же дня приезда туда, пришлось повести работу форсированным темпом. Требовалось прежде всего организовать дело переписи по всему району Алдана, от устья Учура до устья речки Нотары, сделать хотя небольшой объезд тунгусов по Алдану и собрать все необходимые сведения и справки, потребные для дальнейшей работы по Мае. Организация переписи оказалась делом далеко не легким. Очень трудно было найти людей, достаточно грамотных, толковых и аккуратных, на которых можно было бы возложить эту работу. Много помог мне в этом деле местный председатель сельсовета и заведующий отделением Якссльсоюза И. В. Мирушниченко, несший одновременно обязанности волостного статистика, прекрасно знавший все население улуса и условия его жизни. При его помощи я нашел одного молодого тунгуса Г. Сысолятина, достаточно грамотного, которого и приучил за неделю к переписной работе, после ряда совещаний и обсуждений дела совместно с Мирушниченко. На переписчика этого был возложен объезд с переписью по всему Алдану, от Учура до Нотары. Перепись трех селений русских и тунгусов, приезжающих в Петропавловское, была поручена проживающему там старому ссыльному и учителю П. Е. Николаеву. Общее же руководство и наблюдение за всей работой взял на себя Мирушниченко. Кончив так с этим делом, на отдельно нанятой подводе, налегке, 8/I я выехал в объезд части 2-го Эжанского наслега, вверх по Алдану. В поездке этой меня сопровождал Д. В. Тарбеев, делавший зарисовки жилищ и кой-каких предметов домашней обстановки и утвари тунгусов. Поездка эта была лишь небольшим недельным экскурсом, в котором было положено начало моему изучению тунгусов. На протяжении каких-нибудь 65 *км* (взад и вперед 130) мы останавливались и заночевывали в тунгусских жилищах, где производили опросы и записи данных по тунгусскому быту. Тут же, в передний путь, проехал вместе со мной и Г. Сысолятин, производивший перепись под моим наблюдением. С речки Джюды Сысолятин поехал один уже дальше вверх по Алдану, а мы

ЭР01003

с Тарбеевым повернули обратно к Петропавловскому, с заездом дорогой еще в ряд не посещенных нами тунгусских жилищ. Результатом этой поездки явилась у меня значительная запись по материальной и духовной культуре, по социальному строю и по фольклору. О характере виденного мной в эту поездку района и об обитающих в нем тунгусах я не скажу пока ничего, чтоб не повторяться, так как к этому вопросу мне придется вернуться в связи со второй, более обстоятельной поездкой туда уже в следующем году.

Вернувшись в Петропавловское, я еще прожил тут порядочно времени, продолжая записи по тунгусскому фольклору и быту со слов заходивших ко мне тунгусов и собирая нужные сведения о пути и условиях работы впереди. Выехать сразу в поездку по Мае не представлялось возможным; по полученным по возвращении из экскурса к тунгусам сведениям, по всей Мае лежал глубокий, аршинный снег, в котором еще никем не была промята дорога. Поехавший незадолго до этого возчик товаров на Нелькан, едва дотащившись до устья Аима, бросил там свой груз за невозможностью пробиться дальше, и вернулся обратно. А тут еще после жестоких морозов, дошедших в день возвращения нашего с речки Джюды 12/I до —64°С, хватил буран, задувший и бывшие-то дороги и превративший поверхность Алдана и Маи в сплошную целину глубокого снега. Вдобавок ко всему я поджидал тут проезда из Нелькана на съезд в Якутск председателя Нельканского ревкома, от которого предполагал получить наиболее верные и ценные сведения о майских тунгусах, равно как заручиться его содействием в своей работе. Задержали отчасти и некоторые торговые фактории, у которых я еще до поездки вверх по Алдану запросил сведения о задолженности им тунгусов со списками должников, количестве собранной ими за год пушнины и ценах, по которым снабжаются ими тунгусы товарами. Частью факторий сведения эти были даны мне вскоре же; от одной же из них мне удалось получить интересовавшие меня данные лишь в день отъезда на Маю. Чтобы не повторяться в дальнейшем, отмечу здесь же, что такого рода сведения я брал буквально во всех торговых факториях и агентствах, находившихся в районе моего обследования в эту поездку, включая сюда Аянский и Охотский районы. Надо сказать при этом, что просьбы мои о предоставлении мне этих сведений встречали во всех положительно факториях самое любезное отношение и охотно выполнялись; исключение составило лишь Правление Охотсоюза в Охотске, под различными предлогами уклонившееся от дачи запрошенных сведений, считая их, повидимому, в своем роде государственной тайной.

23/I приехал в Петропавловское и ожидавшийся уже с неделю там председатель Нельканского ревкома Жерготов, спешивший в Якутск.

ЭР01003

Сообщения его оказались мало утешительными. Прежде всего, он с большим трудом проехал налегке по Мае, первый проторив дорогу в целине снега, причем значительную часть дороги прошел сам на лыжах, прокладывая в снегу след для своей конной подводы. Дальше оказывалось, что ему неизвестно, даже приблизительно, количество майских тунгусов, а также как и где они обитают. В годы гражданской войны большинство их разбрелось кто куда, за многие сотни километров от Нелькана, и нет о них никаких сведений. Ближайший и единственно известный ему поблизости чум находился от Нелькана в 80 *км*. С Аяном не было установлено еще никакого сообщения из-за небывало глубоких снегов на Джугджуре (Становой хребет), в силу чего, по словам Жерготова, в Аяне застряла даже по дороге в Нелькан дорожно-изыскательская партия (экспедиция) И. Ф. Молодых, сидевшая там еще с последнего парохода. В начале зимы приезжал, правда по словам Жерготова, один из сотрудников этой экспедиции из Аяна в Нелькан, но тогда же с очень большим трудом, да и то уехал налегке, обратно. А после того были еще большие снегопады, отрезавшие совсем сообщение с Аяном. Но вместе со всем этим Жерготов сообщил и очень интересную для меня весть, а именно, что в благовещенье (7/IV нов. ст.) — обычную пору дореволюционных сугланов, по инициативе самих тунгусов, в Нелькане созывается первый после революции общетунгусский съезд всего Майского бассейна. По его словам на съезд этот должны были прибыть представители от всех родов тунгусов и полностью один наслег их, не тронутый ни якутским, ни русским влиянием, не понимающий никакого языка, кроме тунгусского, и обитающий по верховью р. Маи и некоторым речкам на восток от Джугджура. Сообщение было очень важно и ввело меня в большое смущение. Дело в том, что на проезд с работой до Нелькана я не рассчитывал затратить много времени, ибо главную свою работу видел впереди, в объезде бродячих тунгусов. Затратив же каких нибудь три-четыре недели на проезд по Мае, я не мог сидеть без дела и в пустом от тунгусов Нелькане до начала апреля, тем более, что в этом случае выпал бы у меня совсем из маршрута весь Аянский район, поступиться которым я, конечно, не мог. Поехав в Аян, по уверению Жерготова и бывалых тунгусов, я не смог бы поспеть вернуться обратно в Нелькан к съезду (первоначальный проект мой был — добравшись до Аяна, оттуда в объезд Охотского побережья двигаться к Охотску). Отказаться же от мысли быть на этом исключительном съезде, с участием особенно сохранившегося в возможной чистоте наслега, я не мог, тем более, что, двигаясь втечение съезда в Нелькане по побережью к Охотску, я рисковал и совсем не застать по моим путям тунгусов, за возможным отъездом их как раз

ЭР01003

на этот съезд. Задача получалась как-будто неразрешимая, почему я не стал ломать над ней голову, до приезда в Нелькан.

За отсутствием в Петропавловском свободного и достаточно грамотного человека, которого можно было бы взять с собой в качестве сотрудника для переписной работы, я решил было сначала работу эту по Мае до Нелькана выполнить сам. Но поездка по Алдану с переписчиком Г. Сысолятиным показала мне, что она отнимает так много времени и так кропотлива, что мне пришлось бы или сжать свою работу, или же уделить вдвое больше времени своей поездке по Мае. Это вынудило меня искать подходящего сотрудника вне Петропавловского. Вызванный специально посланным мною нарочным с письмом, вечером, накануне моего выезда из Петропавловского, ко мне приехал с речки Джюды, отсутствовавший там в мой проезд, молодой и грамотный тунгус Михаил Сысолятин, с которым мы быстро и сговорились о поездке. Выбор оказался весьма удачным. Молодой, ловкий, выносливый, чрезвычайно понятливый и вместе с тем очень скромный, с первых же дней пути превратившийся и для меня и для подводчиков просто в Мишу, Сысолятин быстро освоился со своей работой и был во всю экспедицию этого года мне незаменимым сотрудником и помощником, снявшим с меня к тому же не только переписную работу, хотя и ведшуюся им под моим руководством, но и массу мелких хозяйственных забот в пути. Кроме того, им выполнялись для меня и кое-какие этнографического характера работы, как запись некоторых загадок, пословиц, поговорок и т. п., не говоря уже о том, что он нередко являлся и объектом моих опросов по быту полуоседлых тунгусов и помогал контролировать опросы других.

II

25/I выехали, наконец, из Петропавловского вверх по Мае. Чтобы не ставить себя в зависимость от крайне медленного хода нашего транспорта, передвигавшегося по очень тяжелой, забитой снегом дороге черепашьим шагом, и не задерживать этим своей работы, я взял в Петропавловском в тело одну подводу, на которой мы вдвоем с Мишей ехали все время налегке вперед.

Выезжая обычно часов в 5 утра с ночлега, приезжали часа на три вперед на следующий ночлег и за это время успевали выполнить уже некоторую часть нашей работы. Но и при этих условиях работы, приехавшие много спустя после нас, транспортные спутники наши (вместе с нами ехал еще нельканский фельдшер) успевали сварить и поесть и покормить и нас ужином и лечь спать уже часов в 9 вечера, а мы продолжали еще до 12 или 1 часу, а то и до двух ночи, нашу работу.

ДВГНБ
ЭР01003

А в 5 часов утра на следующее утро должны были ехать дальше. И так изо дня в день. При ином темпе работы нельзя было бы ничего успеть сделать. Дорога оказалась очень тяжелой, действительно совсем занесенной снегом. Местами встречались полыньи, держащиеся не замерзая всю зиму на быстринах перекатов. Каждый день тянул по реке встречный или попутный, резкий хиус (ветерок) при стоявшей все время низкой температуре от — 40° до — 50°С. Жилища обитающих по Мае тунгусов разбросались по берегам реки на расстоянии 25—35 *км* друг от друга, и добирались мы от одного к другому только к ночлегу. Лишь изредка встречались жилища где-нибудь на полпути днем. Ехать было холодно, и часто приходилось вставать с санок и шагать с километр по скверной дороге пешком, чтоб согреться и не поморозиться, несмотря на что Миша мой нередко ходил с помороженным носом или щекой. Надо добавить к этому, что р. Мая в зимнее время преподносит еще особого рода сюрпризы, свойственные лишь очень быстрым, горным рекам и речкам. Дело в том, что река, замерзая осенью еще по сравнительно полной воде, зимой мелеет под своим ледяным покровом, от продолжающегося спада воды лед оседает и местами выпучивается, причем в этом месте образуются большие пустоты, до метра и более глубиной. При более или менее частой езде, этот не поддерживаемый водой снизу лед дает трещины, и, когда сеть их становится густой, случается нередко, что при малейшем давлении сверху весь этот потрескавшийся лед рушится и уносится вниз по течению, открывая на более или менее значительной площади быстро несущуюся внизу открытую воду. И если это случится под каким-нибудь транспортом на месте значительной глубины воды, то спасение такого транспорта будет весьма проблематично. Мне вспоминается случай, когда ехавшие сзади в каких-нибудь 1—1½ *км* за нами наши транспортные спутники были крайне обеспокоены нашей судьбой, натолкнувшись одним ранним утром на образовавшийся на самой дороге, видимо тотчас же за нашим проездом, такой обвал льда метров в 60—80 длиной (это было место с хорошо наезженной дорогой из-за частой возки сена в имевшееся близко жилье, где мы проехали быстро).

Почти до устья Аима мы ехали местами, населенными полуоседлыми тунгусами, относящимися к Алдано-Майскому улусу. Это было, между прочим, одной из причин, почему я с легким сердцем ограничился лишь недельным экскурсом к алданским тунгусам. Я рассчитывал, что при поездке по нижней Мае буду иметь полную аналогию быта алданцев и полагал, что упущенное по Алдану встречу на Мае, где и запишу все. Но рассчет этот оказался не вполне верным. Правда, майская часть алдано-майцев представляет собою такую же объякутевшую массу, как и алданцы, и ведет тоже полуоседлый, скотоводческий образ жизни. Но дело в том, что

ЭР01003

майцы, еще менее зажиточные, чем алданцы, и более близко соприкасающиеся с своими бродячими собратьями, хоть и очень немного, но отличаются все же от алданцев; они большие охотники и рыболовы и гораздо менее скотоводы и хлебопашцы, чем алданцы. А главное в том, что если бы даже они являлись полным тождеством алданцев, то все равно их невозможно было бы изучить в короткий срок одного проезда, так как быт их резко отличен от быта бродячих тунгусов и изучать оседлых и бродячих тунгусов приходится как почти совсем разные народности. Это не было мной достаточно учтено.

4/II вечером мы были уже в устьи р. Аима, где и остановились с дневкой в отделении Нельканской фактории Якутторга, проехав от Петропавловского километров 320, где нас гостеприимно встретил заведующий Отделением интеллигентный якут А. А. Новиков. Наскоро сколоченный дом-сруб, в котором ютились сам Новиков, без семьи, тунгус член ЯЦИК А. П. Нестеров с семьей и отгороженная в углу лавка с товарами, и рядом небольшой амбарчик и крохотная примитивная баня являли собой единственные пока постройки в этом пункте, несомненно имеющем будущность. Устье р. Аима представляется центральным местом, где могут легко сходиться бродячие тунгусы р. Аима (большого левого притока Маи) и р. Ингили (значительного правого притока ее) и полуоседлые тунгусы ближайших районов самой Маи. Сюда же имеется прямая дорога с Алдана от устья речки Мили. Весной и осенью, когда сходятся сюда тунгусы из трех названных районов, для сдачи своей пушнины и снабжения товарами, в маленькой, недавно лишь построенной факторийке бывает, по словам обитателей, подлинное столпотворение; рядом с факторией тогда вырастает десяток-другой чумов, а в самой фактории в продолжение почти недели толкутся и ночуют по нескольку десятков человек, так что некуда бывает упасть яблоку.

6/II двинулись дальше, от Аима к Нелькану. Бóльшая часть пути до Нелькана нами уже была пройдена. Здесь оставалось пройти часть поменьше, но зато более трудную по обилию снега, бездорожью и безлюдью. В то время как ниже Аима нам на каждом ночлеге попадались тунгусские жилища, иногда даже группами по несколько юрт и домов, выше Аима лишь на первых 16 *км* встречаются два обитаемых жилища. А дальше на 100 *км* идет совершенно безлюдная дорога, где при проезде на лошадях приходится брать с собой запас сена (есть и оленная тропа, по горам, пересекающая большую дугу реки), а ночевать в пути в палатке или у костра, под открытым небом. И только по миновании этих 100 *км* начинает попадаться опять человеческое жилье, и тем сравнительно чаще, чем ближе к Нелькану.

15/II мы с транспортом нашим благополучно достигли, наконец, с. Нелькана, проделав весь путь от Петропавловского, как считают

ЭР01003

около 640 *км* (по моим рассчетам по ходу транспорта, по часам, вышло 618 *км*, но определение это не может претендовать, конечно, на точность), в 22 дня. Здесь был конец нашего конного пути. Дальше нам предстояло двигаться уже на оленях.

Остановлюсь немного на этом пройденном пути.

За весь проезд по Мае нам встретилось всего 76 хозяйств, считая с одиночками. Из них хозяйства два бродячих тунгусов с р. Юдомы, временно выехавших на Маю, и хозяйства 3—4 русских, женатых на тунгусках и ведущих одинаковый с окружающими тунгусами образ жизни. Все остальные — полуоседлые тунгусы, почти совершенно объякутевшие, говорящие на якутском языке и перенявшие даже якутские верования. Жилища и все предметы обстановки также якутские и отчасти русские. Только по мере движения к Нелькану все чаще и больше начинают встречаться в обиходе предметы и одежда из быта бродячих тунгусов. Выгодно отличаются однако от якутских жилища: в большинстве — дома-срубы и лишь частью — якутские балаганы. Имея полное сходство с якутскими по своей стройке и внутреннему убранству, они содержатся несколько чище, чем у рядовой якутской массы, и все почти отделены от хотонов (хлевов для рогатого скота). За всю дорогу попались только два балагана, построенные вместе с хотонами, да два или три с хотонами же, но отделенными от жилья глухой стеной с дощатой, закрывающейся всегда дверью.

Все население в большинстве — беднота, с живым инвентарем в 1 лошадь и несколько голов рогатого скота, а то и того меньше, на одно хозяйство. Лишь несколько хозяйств встретилось относительно состоятельных, имеющих по несколько лошадей и полтора-два десятка голов крупного и мелкого рогатого скота.

Места обитания этого населения довольно гиблые. Ни сколько-нибудь сносных заливных лугов, ни маленьких клочков открытой равнины, годных под пашни, нет почти совсем. Береговые горные цепи то вплотную подходят к реке, упираясь в нее мрачными утесами и скалами, то отходят от нее на 2—5 *км*, образуя террасы долины, сплошь поросшие лиственничными, а частью еловыми с примесью пихты лесами, с ольхой, тополями и ивняками по берегам. Такими же сплошными лесами, главным образом еловыми, образующими трудно проходимые дебри, покрыты и многочисленные острова реки, с чрезвычайно изрытой к тому же частыми промоинами и ямами поверхностью почвы. Лишь кой-где среди этой сплошной тайги попадаются крохотные покосные участки на каких-нибудь несколько десятков небольших копен сена, встречающиеся у берегов реки и боковых речек или по редким аласам (лесным котловинам). При этом, вся долина реки часто заливается весенними и летними наводнениями, вызываемыми нередко просто значительным дождем.

ЭР01003

В таких случаях накошенное сено нередко уносится водой, а если и спасается с большим трудом на берестяных челнах или на плотах, то уже теряет много в своем качестве. Еще хуже обстоит с хлебопашеством. Пахотных мест, как я сказал уже, нет почти совсем. Сеют поэтому лишь десятка полтора хозяйств на специально произведенных для этого лесных расчистках. Но и жалкие посевы эти в какие-нибудь 12, 32 или 80 *кг*, чаще всего ячменя, нередко гибнут от ранних заморозков. Самые же пашни на расчистках имеют свойство через пять-шесть лет проваливаться, заполняясь по образуемым ямам водой, как следствие процесса таяния вечной мерзлоты.

Наиболее жизненными источниками существования, в силу этих условий, являются пушной и звериный промыслы в зимнее время и рыбная ловля в реке или озерах летом. Но и в этом отношении население жалуется на убыль с годами зверя в лесах и рыбы в водах, что несомненно имеет место в результате частых пожаров в лесах и начавшегося пароходного движения по реке.

В районе Нелькана, по Мае, и в самом Нелькане встречаются немногие тунгусы, ведущие уже смешанное, скотоводческо-оленное хозяйство. В местах их постоянного жительства они держат понемногу рогатый скот и лошадей, а где-нибудь в тайге, за несколько десятков или сотню-другую километров, у них пасутся под присмотром кого-нибудь из членов семьи или у бродячих знакомых или родственников десяток другой-третий оленей. Вся эта группа тунгусов говорит и по-тунгусски и по-якутски и являет собой уже продукт якутизации позднейшей формации, начавшейся лишь со времени мировой войны и прекращения возки чайных грузов из Аяна в Нелькан. Чаевозка эта в свое время значительно подняла благосостояние аяно-нельканских тунгусов, занимавшихся этим делом, забросив даже совсем свой охотничий промысел. С возкой чаев в свое время у них начали прибывать их оленьи стада и стало расти потребление хлеба, масла и других привозных товаропродуктов.

Но вот стряслась война с последовавшей за ней гражданской борьбой. Возка чаев из Аяна в Нелькан прекратилась. Значительную часть оленей съели или угнали воюющие белые и красные. Исчезли привозные продукты. Стало голодно. Все у кого не было тесной связи с Нельканом и имелась возможность — укочевали с остатками своих оленей далеко в стороны от путей движения военных отрядов. Но были и такие, далеко немногие, правда, которые не могли почему-либо оторваться от Нелькана и его района. Эти, поручив жалкие остатки своих оленьих стад укочевывавшим или просто отходившим подальше, в таежную глушь, остались на месте, подвергая себя всем превратностям боевого района, а то и примыкая сами к той или иной из воюющих сторон. Оторвавшись

ЭР01003

же от своих оленей и оставаясь в Нельканском районе, они уже потеряли тем самым основу своего существования и должны были вернуться понемногу, как и все бывшие чаевозчики, к забытому уже было звериному промыслу. А так как в районе, где шли боевые столкновения и постоянное движение военных отрядов, много не напромышляешь, то оставшимся по Мае пришлось приспосабливаться к тому образу жизни, который кормил оседлых обитателей Маи — алдано-майских тунгусов и якутов, т.е. к скотоводству. Так появилась эта новейшая формация оленеводов-скотоводов. Но, как я отметил уже, эта вновь якутизировавшаяся группа очень невелика.

Километрах в 128 от Петропавловского, в урочище Улукут, в семье одного тунгуса, встретили глубокого старца, русского Иванова, насчитывающего себе 108 лет. Это был еще довольно бодрый старик с пожелтевшими уже после седины волосами. Он — один из первых русских насельников Маи, переселенных туда для ямской гоньбы вместе с партией в несколько десятков семей из забайкальских старообрядческих сел еще во времена Муравьева-Амурского, в половине прошлого столетия. Иванов еще рыбачит в летнее время по Мае сетью с челна, а зимою ловит плашками зайцев. Но зрение у него уже ослабело, конечно, и развилась глухота. Много любопытного рассказывает старик о прошлом по Мае, хотя и путает иногда кое-что в хронологии и событиях. К сожалению, я не мог уделить много времени его воспоминаниям. Рассказывал он, между прочим, о том, как приручил и содержал несколько лет двух лосей, на которых ездил даже верхом, но потом, когда они стали уже совсем взрослыми, вынужден был заколоть их из-за невозможности справиться с ними во время течки (не были кастрированы). Как в Улукуте, так и дальше по Мае, все знавшие старика или слышавшие о нем подтверждали достоверность этого рассказа. Одного лося видел у него в свой проезд и Стефанович.[1]

В устьи Юдомы ночевали в единственном имевшемся жилье, принадлежавшем русскому из обруселых поляков. Порядочный чудак и давний житель этих краев, женатый на тунгуске, с кучей малых ребят, не научился до сего времени местному языку. Живет, сохраняя по возможности свой русский порядок и быт, хотя и одет, как все местные жители. Перебивается с трудом, занимаясь немножко и пашней и скотом и промышляя летом рыбу, а зимой, главным образом, зайцев, шкурки которых продает тунгусам на одеяла (бродячие тунгусы не возятся обычно с добычей зайцев). Уезжать, однако, не хочет из своих вольных мест, где его никакое начальство не трогает.

[1] Я. Стефанович. От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения. Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. о-ва, т. II, вып. 3, 1876.

ЭР01003

Километров на 13 выше урочища Сяляндя, не доезжая 170 *км* до Нелькана, по правому берегу имеется гора Сэргалах, упирающаяся в реку небольшой стеной утесов (Кыллах) с впадающей тут же поблизости одноименной речкой. По словам тунгусов и бывавших летом по Мае русских, на утесе этом имеются полустертые красноватые грубые рисунки, изображающие охотника, преследующего с собаками лося. По рассказам другого старика тунгуса, встреченного мною недалеко от Нелькана, на этой скале, а также на выступающем выше по склону горы камне, имеются, кроме того, будто бы и знаки, напоминающие китайские иероглифы, знакомые тунгусам по обложкам чаев, причем как рисунок, так и знаки, временами как-будто теряются, а в другое время становятся, напротив, ярче, точно их кто-то подновляет. Старик еще фантазировал к этому, уверяя, что дух-хозяин горы время от времени вписывает там новые знаки. По общему же отзыву стариков, говорящих лишь о рисунках, последние в молодости их были ярче и полнее, тогда как теперь часть их совсем исчезла. По преданию, выше скал, в распадке горы лежали когда-то железные полозья саней с железными же копыльями, почему и названа была гора „Сэргалах" (санная). Как бы то ни было, какие-то знаки имеются там, но, к великой моей досаде, мне не удалось видеть их, так как никто из моих спутников не знал этого места, оставшегося, повидимому, в стороне от нашей дороги, может-быть за прикрытием одного из островов.

Зато, километров 18 выше, в 2 *км* за уроч. Ускун, по левому берегу реки мне удалось видеть знаменитую на Мае „Чортову пещеру" (Абāсы-цiāтā—чортово жилище). Это, собственно, не просто пещера, а известная в литературе обширная галлерея, с небольшими озерами и сталактитовыми и сталагмитовыми гротами внутри, расположенная в левобережной горе, спускающейся тут к реке небольшими утесами. В пещеру эту заглядывали проездом и некоторые экспедиции в летнее время, но конца галлереи, как говорят, никто не достигал. Был бы небезинтересен, думается, более или менее обстоятельный осмотр ее геологами.

Пользуясь свечным освещением, мы около часу пробыли в галлерее, но, к сожалению, не могли проникнуть в основные и известные ходы, закупоренные ледяными завесами от застывших натеков сверху, и удовольствовались осмотром четырех смежных гротов в правой ветви. За четвертым гротом виднелся проход и дальше, но тут мы были задержаны незастывшим кристально чистым озерком. Внутри дальних от входа гротов совсем тепло. Между первым от входа и следующим направо гротами навалена большая груда крупных и более мелких каменных глыб и щебня, видимо, от происшедшего тут обвала. Торчащие вверху в сводах глыбы выглядят весьма ненадежно, грозя обрушиться при малейшем сотрясении. На обвалившейся груде рос целый лес

ЭР01003

тоненьких ледяных колонок до аршина и метра вышиной, венчавшихся большими, причудливыми, стрельчатыми образованиями на подобие фантастических букетов. В одном из сводов, видимо, есть сквозная продушина, судя по гудению проходящего там воздуха.

Нелькан сам — небольшое сельцо в каких-нибудь десятка два с половиной домов, кокетливо раскинувшихся по косогору довольно высокого правого берега Маи. Из хорошего леса, чистенькие извне и новенькие на вид дома эти выглядят довольно уютно. Выше линии домов на том же косогоре высятся новая почта и церковь. Все выглядит на первый взгляд живо и весело. Но если присмотреться, оказывается, что многие дома стоят без окон и дверей, — пустуют. Шедший ниже домов, по второй линии, ряд основательных торговых пакгаузов сожжен во время гражданской войны, и под снегом не видно даже следов их. Жизнь в селе тихая, сонная, какая-то придавленная.

В этот проезд наш в Нелькане имелись крупная фактория Якутторга, очень маленькое и бедное отделение кооперативного союза „Холбос", и развертывалась только-что приехавшая с Аяна торговая экспедиция Дальгосторга. Стало-быть и здесь, как и в Петропавловском, была налицо та же нездоровая атмосфера конкуренции между торговыми органами. Наиболее солидной организацией являлась среди них фактория Якутторга, с ее оборотами в сотни тысяч рублей, обслуживавшая тунгусов почти всего Майского бассейна выше устья Юдомы. Во главе ее стоял старожил Нелькана, бывший доверенный ряда крупных фирм до войны П. Д. Филиппов, проживший в Нелькане 38 лет и знающий, как никто другой, и край и население, человек чрезвычайно популярный среди массы тунгусов; я не от одного тунгуса слышал лично, что они начали стягиваться вновь к Нелькану лишь после того, как услышали, что он стал во главе нелькановской торговли. Впрочем, не у одних тунгусов пользуется Филиппов такими доверием и известностью; кажется, не было за наше столетие ни одной проезжавшей через Нелькан экспедиции, которая не вспомнила бы о нем с благодарностью за его всегда полезные и ценные советы и неизменно благожелательное и энергичное содействие.

Имелись в Нелькане еще школа, амбулаторно-фельдшерский пункт и изба-читальня.

Школа небольшая, с 16 учащимися, без интерната, но с выдачей небольшого денежного пособия родителям детей школяров. Интерната не было за отсутствием исправного помещения. Работала школа более или менее нормально по местным условиям, без больших перебоев.

С амбулаторией дело обстояло хуже — она часто пустовала при сменах заведующих фельдшеров, что тянулось месяцами. Спрос же на медицинскую помощь большой. Не говоря уже о нужде местного

ЭР01003

населения, приезжают для лечения и за лекарствами и тунгусы издалека; во времена же наплыва их в Нелькан за снабжением и для сдачи своей пушнины — от больных в амбулатории не бывает отбою. Но и при наличии фельдшера бывает плохо с медикаментами. Так было и при мне. Со мной как раз ехал туда новый фельдшер. Уверенный, по его словам, начальником экспедиции Наркомздрава, только что вернувшейся перед тем из Нелькана, что его ждут там 192 *кг* медикаментов, он ничего почти не вез с собою, пользуясь дорогой для лечения встречавшихся больных больше моей дорожной аптечкой. По приезде же на место оказалось, что никаких лекарств там почти не было, и фельдшеру скоро пришлось уехать оттуда обратно.

Что же до избы-читальни, то она была пока лишь на бумаге, так как избач ездил где-то по стойбищам по речке Туоте, ликвидируя там неграмотность (обученных им я, впрочем, не встретил ни одного, объезжая потом те же места и население).

III

В самом Нелькане в тот момент делать нам было нечего. Тунгусы были в разброде по тайге на промыслах. Перепись населения самого Нелькана с его десятком-двумя хозяйств задержать нас надолго не могла, тем более, что в лице свободного от дел М. Голомарева я нашел для этого района второго переписчика. Между тем, полученное еще в Петропавловском сообщение Жерготова о предстоящем весной в Нелькане съезде тунгусов оказалось верным, хотя нельканскими сотрудниками Жерготова ничего и не предпринималось для осуществления его. Пришлось немного подтолкнуть их, чтоб они разослали хоть призывные обращения по некоторым районам. Агитацию же в части районов, где предполагался мой проезд, я взял на себя. На все это ушло у меня каких-нибудь несколько дней, и больше мне незачем было задерживаться в Нелькане, почему я решил съездить поскорее в Аянский район, с тем, чтоб вернуться оттуда снова в Нелькан на созывавшийся съезд. Осуществить это было, однако, не так легко. Никаких оленей ни в Нелькане, ни где-нибудь поблизости невозможно было найти для поездки в Аян. Выход нашелся иной. П. Д. Филиппов подыскал мне одного из возчиков, привезших с Аяна товары экспедиции Дальгосторга. Возчик этот отправлялся отсюда на р. Ватам, где у него были свои дела, и мы сговорились, что он попутно провезет туда и нас с нашим грузом, где, как предполагалось, нам нетрудно будет уже найти подводчика себе до Аяна и обратно оттуда в Нелькан.

22/II, на 4 нартах оленей, выехали из Нелькана на Ватам, держа путь [illegible] речки Нэипчи, где предположительно должны были

ЭР01003

иметься до десяти хозяйств тунгусов оленеводов. Путь наш лежал на этот раз на юг от Нелькана по безлюдным совершенно местам и был довольно труден. Ехали где по малонаезженным, а где по задутым совсем снегом старым нартяным следам, прихватывая кой-где участки неезженной совсем целины снега. Путь этот лежал через ряд водораздельных хребтиков и возвышенностей между многочисленными мелкими речками систем Маи и Ватама, по кустарниковым марам (тундровым болотинам) долин речек и частью застывшим или талым еще наледям, широко разлившимся почти по всем без исключения речкам.

По тайге кой-где встречались обширные довольно участки старых гарей, с посеревшим от времени сухостоем. Двигались не скоро, так как ехали не на свежих оленях. Как я отметил уже выше, незадолго перед этим на них везли груз из Аяна в Нелькан (это был беспримерный почти поход — груз Дальгосторга шел, пробиваясь в снегах, из Аяна в Нелькан, через Джугджур, 75 дней), за короткий срок после чего они не успели, конечно, отдохнуть и отъесться как следует.

Начиная с этого момента выезда из Нелькана, у нас уже кончились ночлеги в тунгусских жилищах. Теперь мы ехали уже собственным домом. Решив стать на ночлег и выбрав кормовое место для оленей, выискивали более или менее ровную площадку, где разбивали палатки. Везлись две палатки — одна наша, другая подводчиков — обе типа датских домиков но приспособленных для тунгусской установки, т. е. без шестов и колышков, с установкой каждый раз на упрощенной системе из свежевырубленных жердин (пользоваться готовым каркасом невозможно, так как в зимнее время не вбить колышки в землю или лед).

Внутри установленной палатки настилалась хвоя, и ставилась небольшая железная печь. На всю операцию эту уходило от $1^1/_4$ до $1^1/_2$ часов. Внутри отапливаемой палатки достаточно тепло, так что можно сидеть и работать в обычном домашнем платьи. Но в значительные морозы, когда идет усиленная топка, со стороны печки бывает жарко, а с противоположной стороны пронизывает холод, почему с этой стороны приходится защищаться накидывая на себя что-нибудь теплое.

Проехав таким путем с небольшим километров 140, 27/II добрались до р. Ватам, где на речке Орого, при оказавшихся там трех хозяйствах оленных тунгусов, сделали дневку. Эта первая встреча с бродячими тунгусами оказалась неудачной. Прежде всего, сбитые с толку одним аянцем, жители здесь отказались от дачи сообщений для переписи, подозревая, как тяготеющие к Аяно-Охотскому району, в переписи какой-нибудь подвох со стороны якутского правительства (пришлось потом данные о них добывать окольными путями). Второе — оленеводы эти категорически отказались везти нас в Аян и Нелькан. Третья

ЭР01003

неудача — здесь узнали, что в устьи Нэипчи, куда мы держали путь из Нелькана, в этот момент никого не было, так как стоявшее там стойбище только-что укочевало на север, к Аяно-Нельканской дороге.

Наконец, двигаясь к речке Нэипчи, я имел целью еще ознакомиться с находившейся поблизости от нее горой Тыгымар, о которой ходили у тунгусов россказни, что на вершине ее лежат остатки корабля — мачта, доски и цепь, которые, якобы, не раз видели охотники. Оказалось же, что гора эта от Нэипчи отстоит километров за 215 с лишним у истоков Ватама, на Джугджуре (после я встречал стариков, бывавших летом на Тыгымаре, но не видевших там, конечно, никаких остатков).

В результате, нам оставалось только на тех же усталых оленях сделать еще километров около 85, чтоб найти хоть часть тех тунгусов, которых мы упустили.

Выехав отсюда на другой день после дневки, мы проехали десятка полтора километров вверх по Ватаму, до устья Нэипчи, а там свернули с него на северо-восток, к лежавшей далеко в стороне Нелькан-Аянской дороге. Путь наш лежал теперь уже по другим рекам, но характер дороги был совсем тот же, что и от Нелькана: те же перевалы через мелкие хребтики, те же речные мары и те же наледи. Проехав так дня два и встретив дорогой лишь один чум семьи бродячего охотника, километрах в 65 приблизительно в стороне от Ватама, нашли наконец на речке Нутупча так долго разыскиваемое стойбище из 6—7 семейств. Пришлось, конечно, опять задневать. После долгих уговоров и убеждений здесь нашелся, наконец, один молодой тунгус, согласившийся за приличную плату провезти меня на четырех нартах оленей в Аян, а оттуда в Нелькан. Немало разговоров и сомнений вызвала опять перепись. Подводчик наш, старый, шепнул, конечно, об отказе ватамцев от дачи сведений, и этого было достаточно, чтоб вызвать отказ и тут. Хорошо, что случайно нашелся тут толковый, бывалый тунгус, помогший делу, и все наладилось.

3/III, покончив со своими этнографическими записями (а Миша мой — с переписью) и перекладкой и увязкой нашей клади, мы двинулись, наконец, к Аяну. Останавливаться сколько-нибудь подробно на этом пути было бы очень долго. Скажу только коротко. Передвижение наше с Нутупчи шло уже без всяких тормозов, в смысле транспортном. Двигались сначала придерживаясь речек системы Ватама, а дальше — системы р. Уя, следующего значительного левого притока Маи. Переехав здесь крупнейший левый приток Уя, речку Челасин, по правому маленькому приточку последнего, речке Быранджe, пошли отсюда уже на подъем к Джугджуру. Между прочим, здесь только, близ берегов Челасина, встретился нам сравнительно крупный лиственничный и тополевый лес, где попадались отдельные лесины обхватов до полутора

ЭР01003

толщиной; до этого же, как от Нелькана, так и до него по долине Маи мне нигде не встречался сколько-нибудь крупный лес. На пути же от Нелькана до Челасина встречалось всюду одно лиственничное мелколесье, где деревья в 0,4 *м* в диаметре были уже редкостью. По переезде Челасина бросается в глаза еще одна особенность леса — это обилие многоствольных деревьев. Обычно в тайге редко где встретишь дерево с раздвоенным, а тем более с растроенным стволом; тут же попадались лиственницы, у которых я насчитывал до одиннадцати стволов. И таких многоствольных (начиная с простого раздвоения) деревьев очень много — местами, казалось мне, их будет процентов до 20 леса. В шести разных местах пересекал я Джугджур за время экспедиции, и при трех более южных из этих переездов везде привлекала мое внимание эта многоствольность деревьев у его западного подножья. По восточную сторону хребта этого не наблюдается.

О самом пути можно сказать только, что он был достаточно тяжелым. Движение тормозилось на каждом шагу очень глубокими снегами, что усугублялось еще задутостью дороги. Труден и самый перевал через Джугджур. Путь лежит по глубокому ущелью, между мрачными громадами облепленных снегом гольцов с мощными, обнаженными, бурыми утесами и осыпями близ вершин. По самому же ущелью то и дело приходится обходить или пробираться меж завалами крупных валунов, торчащих из-под снега, укатанного и уплотненного здесь до степени твердости льда и такого же скользкого. Местами так гладко и круто, что крепкий ветер легко может сдуть весь караван вниз по ущелью (что, говорят, и бывает). Местами же, напротив, наст так причудливо выдут ветрами, что образует своеобразное подобие ледяных торосов на реке. По спуске же с Джугджура на приморскую сторону, попадаешь в разлившиеся на многие версты, блестящие как зеркало наледи, где олени не держатся совсем на ногах, а нарты раскатываются во все стороны, по воле ветра. Бывает на них и еще хуже — попадешь в еще незастывшую наледь, где приходится километрами брести по воде с риском подмочить весь багаж, попасть в скрытую под водой промоину или полынью, или же вмерзнуть с своими нартами в наледь, если она перемешана со снегом в кашу при морозной погоде.

На протяжении слишком полутораста километров от речки Нутупчи до Аяна ни одного жилья нам уже не встретилось.

8/III прибыли в Аян. Игравший когда-то крупную роль на всем Охотском побережьи, порт этот теперь совсем захудалое местечко. Расположившийся в глубине, окруженной со всех сторон живописными горами овальной бухты, самый Аян представляет мерзость запустения. В нем сохранились лишь два старых пакгауза, два полуразрушенных дома и старая церковь.

ЭР01003

Ни души постоянных жителей нет. В мой приезд там обитали в чуть-чуть отремонтированных самими домах сотрудники дорожно-изыскательской партии И. Ф. Молодых. Через бухту, в небольшом распадке, приткнулось селеньице Аянка, куда перенеслась вся жизнь Аяна. Здесь помещаются: сельсовет, школа с интернатом, фельдшерский пункт, фактория Дальгосторга, отделеньице Охотсоюза и десяток хозяйств якутов, тунгусов и одного русского, приютившихся в нескольких домах. Километрах в 7 отсюда, через гору, у лайды устья речки Уйки, раскинулась деревушка Уйка или Бачин (по-тунгусски) с десятком тунгусских и якутских семей, разместившихся в 7 домах. Километрах же в двух дальше отсюда, близ берега открытого залива, разбросалось еще несколько населенных тунгусами и якутами домишек — поселка Муннук. И это все, что имеется теперь от Аяна.

Довершила упадок Аяна и его селений катастрофа, разразившаяся месяца за три до нашего приезда, 9/XII 1926 г. В этот день вечером при страшной пурге, неожиданно поднявшимся громадным валом, разбившим ледяной припай и хлынувшим на берег, разбило, смыло и раскидало в щепы почти все имевшиеся в Аянке товарные пакгаузы и склады, похоронив при этом много товаров, запасов и материалов. Одна только экспедиция И. Ф. Молодых понесла ущерб от этого около 18000 рублей на погибших материалах и запасах. Еще большие бедствия претерпел Муннук. Перенесшие этот шторм жители его рассказывают потрясающие вещи. Так, один дом в момент смыло и унесло в море вместе с четырьмя обитателями. Другой дом разбило также, снеся плоскую крышу его в виде плота, на котором жители были прибиты к лесу и вскарабкались на встречные деревья, где и спасались, часа 4 в леденящую вьюгу, пока не спала вода. Один отец, вскарабкиваясь с этого импровизированного волной плота на высокий пень, уронил в воду четырехлетнего ребенка и спас его лишь перегнувшись на животе через пень, ухватив ребенка за шубку зубами и втащив его так наверх. Эпизодов в этом роде было не мало.

Намерением моим было съездить из Аяна в устье речки Лантара, километров около 100 на ЮЗ от Аяна. Но это оказалось невыполнимым. Сообщение там зимой поддерживается на собаках или оленях. Но собак ездовых во всем районе, после бывшего незадолго до этого собачьего мора, осталось лишь три упряжки от 5 до 9 шт. в трех хозяйствах, да и то заморенных совсем, так как ими пользовались все время для всякой работы как единственной перевозочной силой. Оленей свободных не только поблизости, а и вообще во всем районе, не было; имевшихся в небольшом количестве у тунгусов оленей еще с осени заарендовала экспедиция И. Ф. Молодых, и они оказались угнанными в тот момент с отрядами экспедиции в Нелькан (проехавшими севернее моей дороги). Ехать на Лантар можно было, таким образом, взяв как-нибудь одну

ЭР01003

нарту собак, совсем налегке, или на своих оленях. Но в силу только-что выпавшего накануне и в день нашего приезда глубокого снега, дороги никакой туда не было, и ехать на собаках не имело смысла, так как они не увезли бы и собственного корма. Ехать же по целине снега на своих оленях значило потерять минимум полмесяца и истощить совсем оленей, чем лишить себя возможности обратного проезда из Аяна в Нелькан. Нельканский съезд был бы во всяком случае упущен, с тем вместе становилась проблематичной возможность объезда вообще Аяно-Нелькано-Охотского района, не говоря уже о чрезвычайной затруднительности и дороговизне организации такого объезда из Аяна. Подвергать всю работу свою такому риску не приходилось, почему от поездки на Лантар пришлось отказаться. Потеря от этого, впрочем, оказалась невелика. В Аяне же (разумею все 4 селения) потом мне удалось разыскать лиц, недавно лишь выселившихся с Лантара и прекрасно осведомленных о положении и состоянии тех 9—10 хозяйств тунгусов, которые там обитали вразброску. Опрос их в большей или меньшей мере возместил мне то, чего я не мог видеть сам. Быт же их был вполне аналогичен быту всего прибрежного населения.

Объезд селений Бачина (Уйки) и Муннука я сделал на собаках, не без труда добытых, надо сказать, на однодневный проезд. Да и то, на своре собак в 7 шт. ехал лишь я с парнем каюром, шедшим больше пешком; сопровождавшие же меня сотрудники — мой Миша и местный учитель (он же зампредсельсовета) Полетаев шли на лыжах. Картина жизни по селениям этим та же, что и в Аянке. Везде беднота и ободранность. Ходили впрочем слухи, если не о всех, то о некоторых, что этой кажущейся вопиющей бедноте не следует доверять безусловно. Рассказывали, будто кой у кого имелись в глуши тайги скрытые лабазы с разным добром, своим и благоприобретенным, доставшимся при разгроме складов фирмы Гудзон Бей и К°, Центросоюза и т. п., что было свалено потом на красные и белые отряды. Слухи эти, несомненно, имели под собой почву, ибо у многих встречаются иногда в домах вещи, явно не принадлежавшие им никогда. Но, как бы то ни было, одевались и питались аянцы действительно плохо. Муки, масла, мяса, круп, мануфактуры и т. п. ни у Дальгосторга, ни у Охотсоюза почти не было после разрушений от шторма. Многие ели мясо скотины, потонувшей при шторме, но не унесенной морем.

Работы в Аяне, с его особым совсем укладом жизни небольшого поселения, оказалось очень много, и только 18/III, просидев там целых 10 дней вместо предполагавшихся 5, мы выехали оттуда дальше, держа путь к устью р. Алдомы, на СВ от Аяна. Дороги здесь не оказалось почти никакой. Путь наш до Алдомы лежал через водораздельные увалы и хребтики мелких речек, впадавших в Охотское море, большею

ЭР01003

частью по целине снега. Только со спуском на лед самой Алдомы, где снег мало держится, стало двигаться легче. Но на смену снежной целине тут явились нам опять частые, зеркальные, скользкие наледи. А через день езды по ней стали часто встречаться предательские пустоты подо льдом, и раза три проваливался под нами лед, но нам благополучно удавалось во-время выскочить с нашими нартами, не потеряв и не подмочив даже вещей. Один раз чуть не ушел под лед наш подводчик, провисев в виде моста над таким провалом минут пять, зацепившись носками ног за край целого льда, а руками — за шею своего возжевого оленя, тихо стоявшего в провале, в быстро несущейся струе в аршин (70 *см*) глубины; хорошо еще — удалось его быстро вытянуть из опасного положения. Не доезжая же километров 10 — 15 до самого устья Алдомы, стало и вовсе рискованно двигаться дальше. Под начинавшимся уже весенним теплом в приморском районе (температура резко смягчилась по переходе нашем туда через Джугджур), появилась на реке масса промоин и полыней, и лед стал очень слабым; сказывалось, возможно, и влияние близкого моря. Ехать дальше было опасно, и я опасался уже, что бесцельно, впустую, сделал значительный тур. Но тут выручил меня встретившийся на ночлеге чум двух охотников с мальчиком, прибывший дня за два до нас с устья Алдомы. До стойбища их в несколько юрт, разбросавшихся почти одиночками чуть не на 5 *км* по берегу самого устья реки и залива его, оставалось еще километров с десяток. Но оставались там, по словам охотников, лишь больные и женщины, и путь туда рекой стал опасен нелыжникам. Пришлось отказаться от поездки дальше вниз по реке в самое стойбище и, удовлетворившись длительным опросом этих охотников и переночевав с ними, на другой день повернуть обратно.

До зимы этого года устье Алдомы являлось одним из редких пунктов побережья, где имелось хоть зачаточное скотоводство. У живших вместе, на берегу бухты, двух семейств была одна лошадь и голов шесть рогатого скота. Злополучный декабрьский шторм смел это вчистую, вместе с хозяевами. Оба отца семейств, работая в экспедиции И. Ф. Молодых, отсутствовали в тот момент. Дома оставались две женщины и четверо детей. Когда стряслась беда, все эти шесть человек кинулись, видимо, из дома к стоящему вблизи стогу сена, надеясь, вероятно, укрыться в нем от вьюги. Но быстро подошедшая туда вода погнала их дальше, и, только за несколько дней до моего приезда, все шестеро были найдены замерзшими в кучке, тут же в леску. Не прошел шторм благополучно и для остальных алдомцев. На камнях мыса, между бухтой и морем, у каждого охотника лежало по десятку и по два добытых осенью нерп, оставляемых всегда для зимнего вывоза нартами. Это был их запас продовольствия до самой

ЭР01003

весны, как и шкур на одежду. Все это стало, конечно, жертвой стихии, обрекшей тем жителей на неминуемый голод.

На обратном пути по Алдоме, на ней появилось уже не мало новых промоин и полыней, образовавшихся за $1^1/_2 - 2$ дня. Оказалось, вышло удачно, что мы повернули обратно, — река явно стала ненадежной. Ехать, впрочем, ею пришлось на этот раз недалеко. Через каких-нибудь 15—20 *км* от достигнутого нами на ней конечного пункта мы доехали до речки Танчи, впадающей в Алдому слева с Джугджура, и стали подниматься по ней вверх. Для передвижения речка эта оказалась самой каверзной. Она представляла одну сплошную, талую или застывшую и крайне скользкую, гладкую как зеркало наледь, двигаться по которой было крайне трудно. Местами приходилось подолгу задерживаться, чтобы делать топориком засечки и зарубки на льду, чтобы не было скользко оленям, а местами подолгу брели по воде, рискуя подмочить вещи и материалы. Бывало, за целый час возни и работы проходили какой-нибудь километр. Чтобы избавиться от этого, там, где имелись какая-нибудь береговая терраска и лес, взбирались со льда туда, но положение там оказывалось не лучше. След проехавших тут раз или два за зиму нарт занесен был снегом, и редко где удавалось его нащупать. Без следа же олени вязли по самую спину в снегу и скачками выкарабкивались из него, быстро выбиваясь из сил. Побившись так час, другой, изнурив оленей и измотавшись сами, спешили спуститься опять на речку, где нас ожидала та же наледь, скоро гнавшая нас вновь на берег для тщетных поисков там санных следов. Местами наледь, заняв на сотни метров шириной всю долинку, упиралась с обеих сторон в крутые, иногда скалистые склоны нависших с двух сторон гор, увенчанных гольцами, вынуждая нас волей-неволей пурхаться на льду или в воде.

Промаявшись так дня два по Танче, 24/III свернули с нее по ее маленькому левому притоку Тегюрюме, ведшему уже на перевал через Джугджур. Путь здесь оказался лучше. Километров 6—7 ехали по довольно густому смешанному лесу из лиственниц, ели, тополей и розовых берез, с ивняками и ольхой, занявшему дно узенькой долины, меж высящихся с двух сторон громад гольцов, лишь по подошвам своим покрытых редкой лесной каймой. Извиваясь то лесом, то узеньким ложем речки, санный след здесь не теряется в заносах. А дальше отсюда в нем проходит и надобность, так как, по мере подъема и редения леса, снег переходит постепенно в твердый, крепкий наст. Пройдя еще километр, другой, гольцы подступают вплотную, речка превращается в мертвенно пустое, угрюмое ущелье, а лес исчезает совсем, оставив как память о себе узенькую ниточку тянущихся вверх по дну ущелья одиночных карликовых лиственниц и кустарников тех же

ЭР01003

розоватых березок и ольхи. Еще километра через два-три исчезают и эти последние остатки лесной растительности, и мы ползем вверх уже исключительно по пустынному и мертвому царству мрачного камня и затверделого наста снегов. Что-то жуткое чудится в этом притаившемся молчании мощных нависших гольцов. Из ущелья начинает тянуть встречным ветерком. Еще подъезжая к ущелью мы видели, как вдали, на вершинах гольцов, кой-где крутилась точно дымка снежная пыль. Было видно, что там начинает погуливать ветер. Но мы рассчитывали, что он не разыграется в пургу, и надеялись беспрепятственно перебраться через перевал. Здесь же уверенность эта стала у нас исчезать. Чем дальше в ущелье и круче подъем, тем сильнее и резче становились порывы ветра, кидавшего до боли нам в лицо снежную пыль. Километра через два от последних деревьев ветер в ущельи разгулялся во-всю, вздымая кругом нас молочную мглу снежной пыли, больно секшей лицо и в момент застывавшей на нем в корку льда. Конца же подъему все не было видно. С каждым поворотом казалось — вот последний подъем на перевал, но, увы, за ним оказывался новый подъем, а там и другой, и третий. А ветер все креп и креп. Шедшие пешком спутники мои то и дело падали на скользком насте при сильных порывах ветра. После двух-трех попыток пойти пешком, чтобы облегчить подъем своим оленям, я отказался от этого. В моей длинной кухлянке ветер не давал мне продержаться и с минуту, в один миг сбивая с ног. Пройдя так с трудом еще с километр, мы уперлись, наконец, в подобие края чаши. Ущелье кончилось. Оставался последний подъем метров в 40 — 60. Но это была гладкая совсем стена твердого скользкого наста, под уклоном в 30 — 40°. Взобраться тут с нартами даже в тихую погоду нечего было и думать. Требовалось вырыть косую выемку в насте длиной метров в 150. Это и попытались было сделать, вооружившись топорами, два мои спутника. Но ничего из этого не вышло, так как вскопанное тут же, навстречу работе, засыпалось и заравнивалось вновь. Поработав бесплодно минут 15, бросили это безнадежное дело. А ветер гудел и выл все сильней и сильней, налетая яростными порывами и грозя сдуть нас, как пылинку, со всеми оленями и нартами и сбросить на камни. В одном месте ветер вырвал у меня из рук и унес куда-то в пространство карандаш с записной книжкой. В другом — сорвал с нарты олений коврик подводчика и сдул вниз по ущелью.

Солнце село, и в снежной мгле ущелья начал сгущаться мрак. Положение становилось опасным, и медлить было нельзя. Привязав тут к камням три нарты с кладью и забрав палатку, постели, печь, немного провизии и походную канцелярию, на одной нарте с оленями спешно двинулись обратно вниз. Часа полтора ехали так налегке, в полумраке,

ЭР01003

под рев и свист разыгравшейся вьюги, и, достигнув благополучно леса, под защитой его разбили наконец поздним вечером свою палатку. Я остановился немного подробнее на этом эпизоде как на характерном и очень обычном, как говорят, при переходах через Джугджур.

На другой день погода стихла немного, и я отправил своих спутников с оленями вновь на перевал, с заданием прорыть выемку в насте и, перебросив весь наш груз за перевал, вернуться назад с тремя порожними нартами, если позволит все это погода, а если нет — то вернуться обратно, захватив лишь достаточный запас продуктов. Сам же остался писать свои заметки и материалы. К нашему благополучию, с полудня разгулялась чудесная весенняя погода, позволившая моим тунгусам справиться удачно со своей задачей, а на другой день, налегке, мы свободно и быстро перевалили через Джугджур.

Путь от Джугджура до Нелькана оказался также далеко не легким. Ехать тут пришлось добрую половину пути опять-таки без дороги, по целине глубокого снега. Местами затрудняли путь образовавшиеся уже по речкам многочисленные промоины. В одном месте задержал дня на два большой снегопад. Ехали, спустившись с Джугджура, по речке Кенгуй и другим боковым разветвлениям р. Уя. В двух местах на пути встретились временные стойбища тунгусов этого района, что дало возможность на этот раз не впустую проехать дорогу.

5/IV, сделав в этой круговой поездке от Нелькана к Аяну и обратно через Алдому около 770 *км* и потеряв в конце пути двух оленей, павших от утомления, мы прибыли уже снова в Нелькан, за два дня до намечавшегося мной срока.

Весь этот маршрут, в смысле самого проезда, прошел, надо считать, очень удачно. Дело в том, что месяцы март и апрель считаются самыми неблагоприятными для перевалов через Джугджур. В эту пору очень часты обычно обильный снегопад и пурги у хребта и на нем. Бывает, говорят, снега там выпадает, особенно в приморской стороне, такое количество за одну ночь, что опростанные из предосторожности и поставленные стоймя оленьи нарты на утро высовываются из-под снега лишь концом своих баранов (защитных дуг впереди полозьев). Пурги же бывают такие, что караваны, застигнутые ими на перевале или около, нередко бывали сдуваемы оттуда, как пушинка, вниз, в ущелье, со всеми оленями и нартами. И самое обыкновенное явление и в том, и в другом случае—сиденье по 2 — 3 недели где-нибудь под Джугджуром, в ожидании прекращения пурги или очищения и сноса ветрами нападавшей массы снега. И весьма вероятно, что случилась бы такая же история и со мной, опоздай я выездом из Аяна хотя бы на 3 — 4 дня.

Населения во всех затронутых этой поездкой районах оказалось очень немного. Произведенной нами переписью установлено наличие

ЭР01003
ДВГНБ

всего около 80 хозяйств (считая и русских, и якутов), разбросавшихся на огромном пространстве, исключая, правда, системы р. Уя, из населения которой в эту поездку нами встречено было лишь несколько хозяйств. Таким образом, немного более 70 хозяйств оказалось по всей системе р. Ватама и по всему Аянскому району, начиная от речки Кыран (километров 320—370 от Аяна на ЮЗ), до речки Киркяркян (на 160 *км* к СВ от Аяна). По образу жизни население это делится на две резко различные группы: бродячих охотников (частью оленеводов) и оседлых или почти оседлых приморских жителей, существующих, главным образом, рыболовством и морским промыслом и отчасти звероловством и скотоводством (последних всего лишь 4 хозяйства, да и то крайне слабых). Первая группа, меньшая, состоит из обитателей р. Ватама и отчасти Кыран, Немыя, Лантара, Алдомы и Киркяркяна. Это почти исключительно тунгусы с небольшим включением одиночек якутов. Живут они почти все в палатках, сшитых, за редким исключением, ими самими из бязи или дрели, ставя внутри железные печи (начиная с Аяна на этот тип палатки перешли и мы сами, от нашей тяжелой, брезентовой). Только редкие из этих тунгусов сохраняют еще чумы, крытые какой-нибудь старой материей или берестой. Но и эти начинают пользоваться теперь железными печами внутри своих чумов. Бродят эти тунгусы в большинстве по эту сторону Джугджура, занимаясь беличьим и другим пушным и звериным промыслом и переходя в приморскую сторону ненадолго лишь для морского и рыбного промысла летом.

Оседлые — жители трех Аянских селений: Аянки, Уйки и Мункука и часть жителей Лантара и Алдомы. Население это смешанное, в главной массе тунгусы, с большим процентом якутов и немного объякутевших русских, двое корейцев и один американец. Главное жизненное занятие их (кроме американца золотоискателя) — рыбная ловля и промысел морских животных и только в незначительном размере пушной и звериный промыслы зимой, для чего многие из них также уходят за Джугджур, в тайгу речных систем Маймакана, Ватама и Уя. Живет эта часть населения в большинстве в домах-срубах, а часть в чумах и палатках того же типа, что и у бродячих тунгусов.

Места обитания по всему пройденному маршруту очень неважны. Это почти одна сплошная, гористая тайга с обширной гольцовой областью по самому хребту и массой мелких болот, тундр и заболоченных гарей по долинам речек, в обе стороны от Джугджура. От обилия мелких ключей всюду по речкам зимой обширные наледи, особенно обильные в приморском районе. Доминирующие леса везде—лиственница, а затем, на втором месте, ель, которой особенно много опять-таки в приморской стороне. По долинам речек и рек, и с той, и с другой стороны, встречается много ольхи, ив, тополевых и осиновых рощ и разных кустар-

ЭР01003

ников. Местами встречаются рощи мелких березок, причем в приморской стороне часты березы с розовой, красноватой корой. По склонам гор и возвышенностям в западных предгорьях Джугджура встречаются боры мелкой сосны. В приморской стороне сосны нет совсем, и везде по склонам гор ее заменяют там сплошные, дико переплетшиеся кедровые заросли, так называемые кедровые сланики, встречающиеся и по эту сторону Джугджура, но в несравненно меньшем количестве. Пихты и с той, и с другой стороны хребта очень немного.

Мест, сколько-нибудь удобных для скотоводства и земледелия, почти не встречается. Значительная высота над уровнем моря, с повсеместной вечной мерзлотой, связанная с ранними заморозками, и насыщенность везде почвы водой от соседства большой гольцовой области — по эту сторону Джугджура, и та же насыщенность почвы водой, плюс каменистая почва, излишек осадков и холодные летние туманы — по ту сторону его — вот факторы, неблагоприятствующие земледелию. Нет, естественно, при этих условиях и достаточного количества сносных покосов и пастбищ, а стало быть нет почвы и для широкого развития скотоводства.

Всем этим обусловливается и обреченность населения на продолжение существующего теперь охотничье-рыболовного образа жизни, что сможет быть изменено в лучшую сторону лишь при развитии там каких-нибудь привходящих извне данных, как, например, открытие и разработка каких-нибудь недровых богатств, проложение и развитие торгового пути и т. п. Пока же — существование населения жалкое, зачастую полуголодное и беспомощное. Видны всюду большая разоренность гражданской войной, катастрофическое падение оленного хозяйства, оборванность в одежде, изношенность всякого инвентаря и домашнего и промыслового оборудования. Лишь у некоторых, возможно, имеются кое-какие ценности, хранимые ими в укромном месте, в таежных своих лабазах. Но это может быть только у тех, что имели эти ценности еще до войны или сумели воспользоваться чем-нибудь при разграблении торговых складов в Аяне. Большинство же населения — несомненная, неприкрытая нищета.

Единственный твердый из оставшихся источников существования — пушной промысел — из года в год падает. Многие существовавшие ранее объекты охоты или исчезли совсем, или исчезают теперь. Соболей и лисиц, чернобурых и сиводушек, уже нет теперь вовсе. Чрезвычайно уменьшилось в тайге и количество красных лисиц и выдр. Редкость уже рысь. Мало стало и россомахи. Исчезли почти окончательно дикие олени, а с ними и волк, еще совсем недавно уничтожавший стада. Уменьшилось и количество медведя и лося. И кого бьют теперь усиленно тунгусы — это белку и зайца (последнего, впрочем, не все добывают) и, отчасти,

ЭР01003
ДВГНБ

горностая, также встречающегося далеко не часто. Но и основа промысла — белка — количественно падает, размножаясь лишь в некоторые годы; так, промысел ее в сезон 1926 — 1927 г. дал добычи ее где на треть, а где на половину меньше против промыслового сезона предыдущего года, когда было так называемое нашествие белки.

Таковы современные неприглядные условия жизни встреченных мною в тех местах тунгусов.

Ко всему этому в последние годы у части тунгусов явилась тяга к Охотско-Аянскому району. Кое-кто из аянских тунгусов успешно агитирует среди своих майских сородичей о выгодности и необходимости причисления их к Охотску и Аяну, пугая неизбежностью в противном случае эксплоатации со стороны якутов, зависимостью от них и т. п. жупелами и распространяя слух, что весь район их чуть не по самому Алдану отторгается центром от Якутской республики и присоединяется к Дальневосточному краю. В результате этого, уже многие тунгусы этого района обнаруживают тяготение к приморскому району, питая раздуваемую с востока скрытую враждебность к Якутии. Так, некоторые тунгусы по р. Ватаму, отчасти р. Маймакану, некоторые тунгусы системы р. Уя и истоков самой Маи, под воздействием этой агитации, уже приписались к Аяну и, частью, к Охотску. Тунгусы же всего остального бассейна Маи тяготеют попрежнему к своему старому центру — Нелькану, оставаясь в пределах и ведении Якутской АССР. Таким образом, среди майских тунгусов идет раскол, мешающий им объединиться и сообща обсуждать свои нужды и меры улучшения своего положения.

IV

Приезд наш в Нелькан совпал с началом стягивания туда тунгусов на съезд. Стягивание, однако, шло вяло. Съехалось их, в конце концов, значительно меньше, чем ожидалось. Но, тем не менее, собралось с разных концов все же свыше сотни человек, правомочных для участия в съезде, не считая приехавших с ними членов семейств, не принимавших участия в съезде или бывавших на нем лишь в качестве зрителей.

Открылся съезд, как и намечено было, 7/IV. Первые собрания носили организационный характер — выбирали президиум, секретарей, намечали повестку, устанавливали регламент и т. п. Потом пошли доклады Ревкома и всех остальных учреждений, и лишь после этого — вопросы, касающиеся устроения тунгусов. Протекал съезд довольно сумбурно. Собирались неаккуратно. Одни приходили, другие уходили. Установленный вначале регламент то и дело нарушался, так как тунгусы не могли приспособиться к тому, что нельзя высказываться по существу, когда задаются вопросы,

ДВГНБ
ЭР01003

и наоборот. Иные вопросы начинали вновь дебатироваться уже по вынесении по ним того или иного решения. Нередко вспыхивали споры, принимавшие подчас обостренный характер. Приходилось иногда и нам бывать на заседаниях съезда и стараться сдерживать страсти и теми или иными разъяснениями вводить вопросы в русло спокойного обсуждения. Надо сказать вообще, что при толковой информации, без всякой предвзятости и желания навязать что-нибудь свое, тунгусы легко ориентируются и разбираются в вопросах и охотно идут навстречу предложениям, клонящимся к общей пользе. Но, тем не менее, потратив целый месяц на разговоры, съезд не вынес, в конце концов, никаких более или менее серьезных и положительных решений, если не считать выборов предложенного якутским правительством Исполкома, вместо Ревкома (но и эти выборы потом были, как я узнал позже, аннулированы Якутском и заменены вновь назначенным Ревкомом).

Мне, конечно, не пришлось особенно часто бывать на заседаниях съезда, так как было вполне достаточно своей работы. Пользуясь большим скоплением народа, я старался как можно больше опросить их по всем интересующим меня вопросам, начиная от рядового быта до шаманства включительно (на съезде были и шаманы).

Параллельно шла горячая работа и по переписи.

Одновременно же со всем этим шло и приискание себе подводчика для дальнейшего проезда до Охотска, что оказывалось задачей далеко не легкой, как в силу наступившей уже распутицы (подходил уже май), так и за недостатком свободных оленей у приехавших на съезд тунгусов. Надо было вместе с тем снарядиться со всей своей упаковкой и укладкой применительно к предстоявшему впереди в ближайшее же время вьючному передвижению, а также запастись необходимыми на дальнюю дорогу продуктами. Усложнялось все это еще тем, что тунгусы почти все время, свободное от участия на съезде, торчали в лавке Якутторга, сдавая там свою пушнину и забирая товары, продукты и огнеприпасы, или ходили в гости к знакомым в Нелькане. Приходилось, в зависимости от этого, комбинировать на каждый день свое время сообразно возможности привлечения к себе тунгусов для собеседований и опросов.

Не дождавшись конца съезда, закончившегося, как выяснилось потом через день после нашего отъезда, и оставив в Нелькане для отправки в Якутск со вскрытием Маи все собранные коллекции и корреспонденцию, 5/V мы тронулись на 5 оленных нартах в дальнейший путь. Снег пока еще держался, почему решено было двигаться хоть до стойбища нашего возчика на нартах и там уже переменить последние на вьюки. Весна уже вступала победно в свои права. Днем основательно таяло. Мая хоть и не трогалась еще, но лед промыло уже широким руслом,

ЭР01003

и переехать ее пришлось на лодке. На пути же дальше за ней, все ямы и встречные речки налились снеговой водой. Приходилось выискивать места, где весенняя вода эта не была так глубока, и перебираться с нартами вброд. Там, где вода оказывалась значительной глубины, чтобы не подмочить груз, приходилось подкладывать под него на нартах бруски — подставки. В лесу же дорога была еще сравнительно сносная, хотя сплошь и рядом одна колея оказывалась протаявшей, и нарты, идя часто одним полозом по земле, опрокидывались и ломались, задевая за встречные деревья.

Маршрут был намечен вверх по Мае, по местам, где редко кто ездит, между Джугджуром и Маей, пересекая впадающие в нее слева речки. Сообщения между Нельканом и Охотском вообще нет. В редких случаях, раз во много лет, бывает, что проедет кто-нибудь, и тогда тунгусы возят обычно такого пассажира с Нелькана на речку Туоту (правый приток Уя), переваливают в верховьях ее через Джугджур и едут дальше уже по приморской стороне. Мы же, в целях захвата сравнительно мало затронутых туземцев, решили ехать через реки и речки — Челасин, Уй, Иот и Нудми до речки Мити и там уже перевалить через Джугджур в систему р. Ульи, чтобы от устья последней двинуться к Охотску уже берегом моря. Путь этот по Мае был известен лишь тунгусам, обитающим близ истоков реки. Принельканским тугусам этот путь не знаком, почему кроме подводчика мне пришлось брать и проводника. Ближайшим пунктом, куда мы направлялись из Нелькана, — была речка Нялбанджа, левый приток речки Туоты, где было стойбище моего подводчика.

10/V добрались до этой речки, где оказались два стойбища, в два и три чума. Здесь сделали трехдневную остановку. Возчику моему предстояло тут перестроить свой транспорт с санного на вьючный. Но так как за последние дни падал снег и здесь были уже предгорья Джугджура, т. е. было значительно выше над уровнем моря, погода несколько похолодала и снег держался лучше, почему решено было продолжать двигаться на нартах пока возможно. Сообразно с этим, возчик мой, набрав тут из своего стада свежих оленей (это был сравнительно богатый тунгус), переменил поломанные и расхлябавшиеся нарты и занялся вьчным снаряжением и сбруей — чинил и подбирал ездовые и вьючные седла, ремни, сумы вьючные и т. п. Я тем временем занялся своей работой в имевшихся двух стойбищах, знакомясь с их обстановкой и бытом и ведя бесконечные опросы и записи.

Ввиду невозможности справиться силами одного подводчика с нашим транспортом по предстоящей перестройке его в вьючный, здесь пришлось нанять одного рабочего. Дальше в пути, когда выяснилось, что по мере порчи дороги работа оказывалась непосильной нам

ЭР01003

вчетвером, был взят и второй рабочий, вдобавок к чему старик возчик и от себя нанял еще одного рабочего с парой оленей. Такое усиление кадра рабочих оказалось вполне целесообразным, как показал потом опыт при переправах через многочисленные налившиеся водой и бурлящие речки, а также и в самом пути.

Выехав 14/V с речки Нялбанджи, двинулись в путь горами и тайгой на пересечение множества мелких речек, впадавших пока все еще в систему р. Уя. Ехать было трудно. Всюду появлялась понемногу вода. Снег был глубок, днем размякал, и нарты и олени глубоко вязли в нем.

21/V достигли речки Иот, последнего большого притока р. Уя. Здесь встретил меня нанятый еще в Нелькане проводник, который и повел дальше караван наш, так как дальше отсюда возчик и рабочие наши никогда не бывали. На нартах, хоть и с трудом, удалось нам проехать чуть не до речки Мити, конечного пункта поездки вверх по системе р. Маи. Путь был очень трудный. Дороги, конечно, никакой не было. В лесах везде масса еще не растаявшего глубокого снега. Ехали лишь ранними утрами, от 5 до 9 ч. в среднем, пользуясь утренними заморозками, сковывавшими в твердую корку верхний слой снега. Часов с восьми утра начиналось уже таяние, превращавшее снег часам к девяти уже в мягкую, рыхлую массу, в которой олени проваливались, где по колено, где по брюхо, а где и по самую спину, так что двигаться дальше не представлялось возможным, ибо это значило бы — измотать совершенно дня в два-три оленей, а потом сесть без транспорта. Так обстояло дело в лесах и многочисленных водораздельных хребтах между речек, где шли, чтоб пересекать эти речки в их менее обильных водою верховьях. По низинам же и тундрам встречных долинок наблюдалась в то же время обратная картина. Там было всюду бесснежье и бурный разлив самых ничтожных речушек и ручьев, бесконечно задерживавших нас на переправах; приходилось перебрасывать через них мосты или кладки, там, где позволяли это ширина речки, берега ее и наличие подходящего для этого леса по берегам, или же делать длинные обходы в поисках возможной переправы вброд на нартах, часто разгружаясь для этого и громоздя груженые нарты на порожние, с выполнением такой переправы в несколько приемов. Отнимало это, понятно, многие часы, причем с каждым днем движение становилось все труднее и труднее и все короче промежуток возможного хода утрами. Все это вынудило, в конце концов, между речками Нудми и Мити, броситься к самому Джугджуру и попытаться двигаться его гребнем, в предположении, что на высоте наст снегов будет тверже. Но рассчет оказался неверным, снег днем и там оказывался таким же рыхлым, да вдобавок еще более глубоким, почему, проехав день по вершине, мы спустились с гребня хребта к речке Наптарынде (в системе

ЭР01003

истоков р. Ульи), в приморскую сторону, чтобы сократить путь тут пересечением дуги, образуемой в этом месте вершиной Джугджура. Однако долинка здесь оказалась сплошь залитой водой, где уже стало совсем невозможно двигаться на нартах. Пришлось сделать короткую остановку и бросив нарты подвешенными на сделанных тут же козлах-воротцах; возчик, подводчик и рабочие наши живо перестроились на вьюки и двинулись отсюда дальше уже вьючным караваном, перевалившись вновь, в другом месте, обратно через гребень Джугджура, к системе р. Маи.

На другой день, 29/V, мы были уже на речке Хибакчан, близ впадения ее слева в Мити, проехав от Нелькана приблизительно 250 *км*. По речке Мити предполагали встретить последнее по эту сторону Джугджура значительное стойбище тунгусов (до этого встретились таковые на речках Нялбандже, Иот и Нудми). Но нигде вниз по довольно широкой долине этой речки не было заметно никаких признаков обитания людей. Отказаться же от встречи с последними верхне-майцами мне не хотелось, и, пользуясь тем, что здесь приходилось все равно простоять день-два для передышки оленей, я нарядил своего проводника и подводчика в поиски тунгусов, которые должны были быть где-то. Проходив день (с парой ездовых и одним вьючным оленем), на следующее утро они привели, действительно, трех местных тунгусов (с одним оленем, купленным на мясо), с которыми я и протолковал день, беря на пометку себе сообщенные сведения.

2/VI, подкрепленные с этого места еще одним рабочим с парой оленей, нанятыми стариком подводчиком, о чем я упоминал уже выше, мы двинулись дальше. Время этого перехода с нартяного движения на вьючный было самым тяжелым и трудным за всю эту дорогу; втечение недель двух мы проходили в день лишь 8—12 *км*. С момента перехода на вьюки до самого перевала через Джугджур, по системе речки Мити, вверх, на протяжении 75 *км*, добрую четверть дороги ехали сплошной водой или снеговой кашей, т. е. снегом, превращенным водой в кисель. У самого Джугджура снова пошли снега, и очень глубокие, до метра местами, небывалые в этих местах и в эту пору, по словам тунгусов. Наста тут уже не было, конечно, и если в начале пути, на нартах, мы стремились выезжать с ночлега по утреннему заморозку, то теперь, напротив, приходилось выезжать попозднее, когда уже не оставалось и признаков заморозка, при каких условиях вьючным животным было легче месить снег.

Переправившись 6/VI через Джугджур в систему речки Дэвокши, впадающей в большую речку Эмке (левый приток р. Ульи), пошли уже сравнительно быстрым ходом, по два приема в день, с обеденным привалом. Едва спустились с перевала по очень крутому и сравнительно

ЭР01003

короткому ущелью в долину речки, попали сразу в летний режим. Если по эту сторону Джугджура стояла еще ранняя весна, а на самом хребте еще только началось таяние, то в долине Дэвокши уже стояла теплынь, и глаз ласкала уже вполне распустившаяся зелень трав и деревьев. Река и речка давно уже очистились от льда, и начавшее попадаться с устья Эмке население, более густое в устьи Ульи, уже отъедалось немного свеженаловленной рыбой после весеннего голода.

Двигались мы здесь уже без особенных задержек, хотя путь был далеко не из удобных; шли без всяких дорог, редко тропой, часто завалами бурелома, болотами, грязью, чащей. Пройдя так Дэвокшу, миновав Эмке и спустившись по долине р. Ульи к морю, снова попали из лета в холодную весну. Зелень исчезла. Местами встречались снега. С моря поднимался холодный туман.

От устья Ульи до Охотска шли уже берегом моря. Раньше тут шла, говорят, превосходная, твердая, вьючная тропа. В наш же проезд тут по меньшей мере треть дороги шли сплошной галькой, гравием или песками (увязая в них местами по щиколку), наметенными страшным декабрьским штормом, прокатившимся по всему побережью Охотского моря и снесшим начисто имевшиеся тут десятки японских рыбалок что не обошлось без человеческих жертв. Остальные две трети дороги двигались то плавниковыми завалами — следствие того же шторма, то небольшими болотами, островками кедрового сланца среди заноса гальки и песков и крошечными участками кой-где сохранившегося чистым дерна со следами старой торной тропы.

23/VI мы достигли, наконец, Охотска. Весь маршрут от Нелькана до Охотска, составивший по моим расчетам около 690 *км*, отнял у меня 49 дней и обошелся крайне дорого. Провоз, проводник и рабочие стоили мне 550 руб. за счет собственных средств экспедиции и 175 руб. за счет Якутского статистического управления, а всего 725 руб., т. е. по 1 р. 05 коп. приблизительно стоил каждый километр, при очень скромном по своим размерам транспорте (подводчик мой при смене нарт на вьюки должен был поставить до 28 оленей, а выставил в действительности лишь 18, да достал в пути всего лишь пару их).

Дороговизна эта, по состоянию и характеру пути, могла бы выразиться в еще бо́льшей цифре. Но нам, можно сказать, везло. Несмотря на всю неблагоприятность условий, весь пройденный путь этот сошел у нас очень удачно. В Нелькане местные бывалые люди и тунгусы в один голос предрекали мне неизбежность подмочки и купаний, а то и утопление багажа, а также неизбежность задержек и длительных сидений из-за разливов рек и речек. Однако, ничего этого не случилось, и весь путь прошел вполне благополучно, если не считать трудности и утомительности движения. Принимались, конечно,

ЭР01003

мною и необходимые меры предосторожности и соблюдался известный расчет времени для прохождения того или иного пункта. Но все же погода и вода нам благоприятствовали. Так, напр., до самого Охотска нас ни разу не мочил почти столь обычный в тех краях дождь. Очень удачно проскакивали особенно пугавшие нас реки — Челасин, Уй, Туоту, Иот, Нудми. Особенно пугал нас раньше всех вскрывающийся, ближайший к Нелькану Челасин. Приезжаем к нему — лед, действительно, промыло уже посредине. Но случайно наехало туда много нагнавшего нас народа, едущего со съезда, и, перебросив вместе с ними общими усилиями мостик, в какой-нибудь час мы переправились на другой берег. Уй проскочили по льду, хотя и полупро, валившемуся в середине, в то время как тунгусы, ехавшие сзади нас на другой день уже с большим трудом переправились через первый, образовавшийся в промоине льда поток. Реку Нудми только-что переехали, хотя и с трудом, по верхней воде, около полудня, а к вечеру уже пошел лед, и опоздай мы только на несколько часов — сидели бы там минимум неделю. И всю дорогу так. Держали нас не реки и значительные речки, которых опасались, а главным образом небольшие речушки и ручьи, где мы не ожидали преград. Все шло настолько удачно, что нигде, ни разу почти не подмочили ни одной вещи, ни одного вьюка.

Население рек Иот, Нудми, Мити и верховьев самой Маи оказалось чрезвычайно редким. Во всем этом обширном районе не наберется и 30 полных хозяйств. Но и эти немногие хозяйства разбросаны так далеко друг от друга, что не удалось видеть их всех, а лишь около половины. Видеть же всех не было никакой возможности, так как для этого пришлось бы сделать еще лишних минимум 200 — 250 *км*, что не могло бы никак уложиться ни в мой бюджет, ни в имевшееся в моем распоряжении время. Но и те немногие, кого мне удалось видеть, дают достаточное представление о жизни населения этого глухого угла.

Обитатели всего пройденного района, за исключением ближайших к Охотску, исключительно тунгусы оленеводы-охотники — по Мае, лишь на короткое время летом кочующие к морю для лова рыбы, и рыболовы-охотники — по р. Улье.

Этнографически — это наиболее интересный район по всему пройденному мной в эту экспедицию маршруту. Небольшая группа верхнемайских тунгусов сравнительно мало подверглась влиянию русских и якутов, в большинстве не понимает ни слова ни по-русски, ни по-якутски, и в большей чистоте, несомненно, сохранила остатки своего старого быта, нравов и обычаев. Как раз в этом районе мне удалось записать наиболее интересные обычаи из всех слышанных мной. Живут эти тунгусы исключительно в чумах. Передвижение у них только вьючное,

ЭР01003

нарт не употребляют. С железными печами и палатками пока не знакомы. Живут бедно. Пушной промысел невелик, так как район не богат пушным зверем, почему едят часто своих оленей. Последних очень немного; лишь несколько хозяйств имеет их по полусотне или немного более, а у большинства их имеется от 4 до 20-30 голов. Встречаются, тем не менее, среди них такие, что съедают в год до 15-20 оленей из своих малых стад. Лень чрезвычайная. Кроме своей охоты зимой и рыболовства и отчасти охоты летом, никто и ничем не занимается для каких-нибудь приработков; ни на какие заработки по возке грузов, проводничеству экспедиций и т. п. ни в Нелькан, ни в Охотск не выезжают. В результате такой инертности сидят зачастую не только без мануфактуры и масла, но и без муки, чая и табака. К весне, как общее правило, у большинства не бывает совсем этих продуктов, и сидят тогда на одной рыбе, если ловится что-нибудь в речках, и одной горячей воде вместо чая; у немногих лишь бывает мясо дикого зверя или домашнего оленя, да и то на очень короткое время, в силу обычая делиться добычей с другими путем раздаривания. Изредка кому-нибудь удается добыть несколько уток — это уже удача; район не утиный, ибо вода появляется лишь после массового пролета птиц.

Очень редко бродячее население и по системе р. Ульи. Культурный уровень этих тунгусов, их быт, образ жизни и пр. почти тождественны с верхне-майскими тунгусами, с той лишь разницей, что они еще беднее. Большинство встреченных нами представителей этого района — вопиющая беднота. Запасов никаких у них к весне уже не оставалось, и они едва дотянули до вскрытия речек и реки. В наш проезд питание их состояло исключительно из рыбы и горячей воды вместо чая. У многих нет даже рубашек — одеты лишь в ровдугу и старую изношенную оленину. У многих лишь от 2 до 8 оленей, а много и таких, у кого совсем их не осталось. Пушной район еще беднее, чем в верховьи Маи. Покупательная способность, конечно, ничтожная, и жизнь беспросветна. Нужда ужасающая. Основа питания — рыба — добывается летом в устьях рек, у моря. Но обычная тунгусская беспечность и лень ведут к тому, что запасов в достаточном количестве не делают. Плюс к этому является неопреодолимый соблазн в виде контрабандного спирта доброжелательных друзей — японцев, привозимого в сезон рыбного лова на рыбалки, в обмен на что идет часть пушной продукции и улова рыбы.

Не лучше, пожалуй, чем эти бродячие тунгусы, живут и те из них, которые, осев у самого устья Ульи, стали почти оседлыми и в большинстве безоленными. Основой существования их является почти исключительно рыболовство. Иные из них промышляют еще, правда, в зимнее время и белку, и других зверей. Но, за отсутствием оленей, звериный

ЭР01003

промысел у них ведется вокруг да около мест своего обитания, где нет почти белок или иного пушного зверя, а если и встречается, то в таком ничтожном количестве, что промысел их совершенно непродуктивен. Не перевелись тут еще только медведи, но и их не так много, и на добыче их много не заработаешь. Кое-кто уходит отсюда подальше для промысла к верховьям Ульи или за Джугджур. Но такие — редкость. В результате, пушная добыча усть-ульинцев совершенно ничтожна и ни в какой мере не обеспечивает им сколько-нибудь сносного существования. Как следствие же всего этого — полуголодное существование на одной рыбе, которую лишь очень немного разнообразят с осени мукой рисом японским и иногда мясом медведя, если удастся кому-нибудь добыть его. Потребляемого в большом количестве алданскими и среднемайскими тунгусами коровьего масла ульинские и верхне-майские тунгусы не видят почти в глаза; вместо него ульинцы покупают себе немного бобового масла. Живут усть-ульинцы летом большею частью в чумах, крытых старыми пологами — матерчатыми, мешочными, ровдужными, берестяными, и поверх них — японскими травяными циновками (по берегам устья Ульи и у самого моря), а зимой в одиночных избушках-срубах, поставленных в ближайших от моря лесах. Перекочевки между этими двумя районами обитания производятся обычно на лодках и лишь немногими счастливцами — на оленях. Часть ульинских тунгусов уходит на лето в районы соседних с Ульей речек — Горби и Унчи, где иногда бродит и в зимнее время.

Бродяче-таежная часть ульинских тунгусов, только на короткое время выходящая к морю для летнего рыбного промысла и редко бывающая даже в Охотске, в смысле затронутости чужой культурой ничем почти не отличается от верхне-майских тунгусов — те же нравы, обычаи, образ жизни и та же инертность и лень.

Усть-ульинцы, полуоседлые, подверглись значительному якутскому и русскому влияниям, к чему примешивается, в известной мере, еще и японское. Многие довольно сносно говорят по-русски, лучше — по-якутски, а иные немного и по-японски; есть говорящие понемногу на всех этих трех языках, кроме своего тунгусского. В обиходе нередки русские и японские вещи. Одежда делается в значительной мере на русский лад.

Количество ульинских тунгусов, к которым относятся все рассеянные по побережью, начиная от речки Тукчи, чуть не до Охотска (и даже верхне-майские числятся у них же), очень невелико. Сами ульинцы, при возбуждении тех или иных ходатайств о какой-нибудь помощи, говорят, что их 300 душ. В действительности их значительно меньше, всего, может быть, десятка четыре с небольшим хозяйств, считая с одиночками. В зиму перед нашим приездом по всему этому району

ЭР01003

пронеслась эпидемия кори, унеся 14 человек среди ульинцев и человека 4 в районе речки Мити, у верхне-майцев, сократив еще более и без того малое количество их. Говорят еще тунгусы, что начиналась у них вместе с корью и оспа, но не получила распространения, надо думать, благодаря массовой прививке, сделанной перед этим проезжавшей там врачебной экспедицией Красного Креста.

Мне еще очень хотелось познакомиться с сравнительно мало тронутыми, по слухам, русско-якутским влиянием тунгусами бассейна р. Ини, на С от Охотска, к устью которой я имел намерение съездить из последнего. Но, к сожалению, это оказалось невозможным. По собранным в Охотске сведениям, эти тунгусы в летнюю пору бродят рассеянно с своими оленями в верховьях р. Ини, у гольцов Джугджура и предгорий его, и спускаются к морю лишь к ходу рыбы, т. е. к концу июля и началу августа. До этого же на берегу моря никого из них не бывает, и поездка к устью Ини была бы впустую. Ехать же на оленях, которых к тому же было очень трудно найти, разыскивать этих тунгусов в летнюю пору в горах являлось задачей для меня невыполнимой как по недостатку средств, так и за отсутствием времени. И как ни досадно было не видеть этих тунгусов, от поездки к ним пришлось отказаться.

V

В ожидании нахождения подводчиков для продолжения своего пути и добывая и выписывая данные по тунгусам из произведенной уже до меня переписи, мне пришлось просидеть недель пять в Охотске; за этот срок я не мало наслушался и насмотрелся на местную жизнь, о чем можно бы говорить очень много или ничего не говорить. Но говорить много не место здесь. Обойти же ее молчанием также не приходится. Отмечу, поэтому, в нескольких словах хоть некоторые характерные черты современного Охотска. Не буду описывать ни внешнего вида этого города-деревни, ни рейда или бухты, которых в сущности нет, ни его постоянных дождей и туманов, словом всего того, что известно еще по старой литературе.

Охотск в настоящее время развенчан в село, чем очень задет патриотизм местной власти, мечтающей о возрождении былого значения города и порта. Совсем недавно Охотск гремел сказочным содержанием имеющихся и теперь близ него золотых приисков. Рассказывают, что рабочие старатели намывали чуть не до двадцати фунтов (8 *кг*) золота в месяц на человека. Бешеное золото развило во всем населении не только самого Охотска, но и во всем районе, до тунгусов включительно, крайний ажиотаж, взвинтивший, в связи с недостатком в то время

ЭР01003

ДВГНБ

товаро-продуктов, невероятные цены на все. Так, 16 *кг* муки покупалось по 50 *г* золота, бутылка спирта — по 85 — 105 *г*, бревно местное тонкое покупали по 9 — 12 руб. на золото, провоз груза на лодке по лайде в прилив, от Нового Устья до Охотска (7 — 10 *км*, часа 3 — 4 хода) обходился по 2 р. за 16 *кг* и т. д. При развившейся игре в карты золото ставилось и проигрывалось чашками. В результате создалась у всех привычка (и у тунгусов в том числе) срывать сразу, где что возможно, а потом хоть целый год бить баклуши и ни о чем не заботиться. Угар этот не прошел вполне, видимо, и до сего времени. Иначе трудно объяснить проявляющееся там во всем самое бесцеремонное рвачество, обнаруживающееся нередко даже в госторговле.

В Охотске нечто вроде портофранко с длинным списком разрешенных к беспошлинному ввозу иностранных товаров, и казалось бы, что жизнь там должна быть дешевле. На деле — жизнь в Охотске значительно дороже, чем даже в Якутске, отнюдь не могущем похвалиться дешевой жизнью. Портофранко не спасло от остатков золотого угара. Беспошлинный ввоз иностранных товаров хотя и имеет длинный список номенклатуры, но по существу не так значителен. Иностранные суда туда не заходят. Заграничный товар идет лишь из Харбина, Шанхая и отчасти из Японии. Ввозится он исключительно органами Дальгосторга и отчасти Рыбтрестом (которые должны были, по слухам, слиться). Кооперативная организация Охотсоюз и фактория Якутторга приобретали до сего времени (не знаю, как сейчас) иностранные товары через представительство Дальгосторга. Товар поступал по трем спискам, разрешавшим беспошлинный ввоз: один, довольно обширный, для Дальгосторга, другой — поменьше, для Рыбтреста, и третий — очень коротенький, для Якутской республики. Попав по этим спискам в Охотск, товар этот каким-то образом так вздувался в цене, что мало разнился от цен других отдаленных городов, где товары оплачены пошлиной, при дорогом к тому же провозе. Но это еще ничего. А вот чудесное совсем превращение получается, когда этот товар попадает с разъездной агентурой куда-нибудь к тунгусам, в глухие углы, километров за 300 от Охотска. Цены тут вырастают такие, что позавидовал бы, пожалуй, довоенный мелкий торговец-хищник.

Вот несколько примеров, иллюстрирующих эти наценки, как в самом Охотске, так и в разъездных агентурах. Ликвидировались остатки запасов и материалов золотопромышленной концессии „Аян Корпорайшен". Охотсоюзом был приобретен при этом, по 2 р. 50 к. английский фунт, американский трубочный табак. Через день же, по перенесении этого табака за сотню метров, из склада концессии в магазин Охотсоюза, эр[illegible] купали его в последнем уже по 4 р. 50 коп. Тому же Охотсоюзу одним из моих возчиков было продано в зиму перед этим

ЭР01003

оленье мясо по 12 руб. пуд. Когда же через несколько дней ему самому понадобилось купить несколько фунтов этого мяса, то в магазине он заплатил за него уже из расчета 24 руб. пуд. На рч. Хадыкчане (один из притоков р. Охоты), километрах в 300 от Охотска, разъездной агент этой же организации, по сообщениям тунгусов, продавал по 80 коп. ф. соли, по 70 коп. пачку спичек, стоившие в Охотске: первая — 7 коп. и вторая — 15 коп. Можно бы и еще привести не мало примеров, но для краткой характеристики вряд ли требуется больше. Комментарии, во всяком случае, как-будто излишни.

Справедливость требует сказать, однако, что у главной торговой организации края — Дальгосторга — наценки не достигают столь несуразных процентов, хотя головокружительных цен достаточно и у нее, особенно в разъездной агентуре.

До революции в Охотске была мощная радио-станция с двумя большими железными мачтами, в 50 *м* высоты, на бетонированных каменных площадках. Но в начале революции прекрасные мачты эти были разрушены и посейчас валяются там изогнутыми, изуродованными грудами громадных железных переплетов. Вместо же них поставлена теперь одна жалкая, деревянная мачта метров в 30 высоты, с которой станция кое-как работает, нередко бастуя по 2 — 3 недели.

Имеются в Охотске школа, больница, таможня, магазины, дивизион ГПУ, милиция, Горное управление и др. учреждения, с соответствующими штатами и сотрудниками. Разного служилого люда, таким образом, порядочно. Но жизни общественной — почти никакой. Имеется единственное кино в клубе, где раз или два в неделю собирается народ на обозрение какого-нибудь фильма. Объединения никакого это не дает. Развлекается публика больше вином да картами, ходя друг к другу в гости, замыкаясь каждый в небольшой кружок своих знакомых. Жизнь в общем серая, скучная и крайне однообразная, питающаяся бесконечными сплетнями, где каждый чувствует себя временным гостем, вынужденным по необходимости прослужить известный срок, чтоб потом исчезнуть оттуда и больше не возвращаться. И тянется так монотонная жизнь изо дня в день, унылая, как и окружающая односбразная природа с ее постоянными туманами и сыростью.

Собственного населения, не служащего, в Охотске в настоящее время очень немного. В 75 приблизительно дворах бывшего города вместе со служилым и военным элементом едва наберется 600 — 700 душ. В районе Охотска поблизости разбросались селения — Новое Устье, Булгин, Ивановка, Резиденция, — в которых вместе с рабочими наберется еще столько же народа. Население это смешанное, где главная масса — русские, а затем идут якуты, корейцы, тунгусы. Значительный процент в русском населении занимают так называемые камчадалы, фигурирующие и

ЭР01003

в официальных документах, и в списках как какая-то особая народность, внешне действительно сильно разнящаяся от русских и типом, и говором. Но опрос двух-трех пожилых комчадалов об их прошлом обнаружил, что предки их были русские крестьяне, поселившиеся когда-то на побережьи. Надо думать поэтому, что охотские камчадалы не что иное, как эпигоны старожилого русского населения, перемешавшегося и метисировавшегося с местными туземцами.

Но довольно об Охотске. В жизни его много любопытных, своеобразных подчас, нелепых черт, но описание их завело бы слишком далеко.

Интересны мне были тунгусы Аркинского района, а также обитающие по рекам Охоте и Кухтую. Но в летнее время видеть их где-нибудь в более или менее компактной массе не было возможности из-за разброда их с оленями по верховьям разных речек. Приходилось просто ждать подхода многих из них к морю на рыбную ловлю и познакомиться с ними немного на этом их временном бивачном положении.

Числа 20/VII действительно началось стягивание их понемногу к Охотску. Но выходили они сюда совсем налегке, оставив свои чумы, оленей и скарб весь где-нибудь на оленьих кормовищах, километрах в 25—40 от моря. На берегу же у них была крайне примитивная, временная обстановка, состоявшая вся из палатки или навесика с постелями и кой-какой посудой, с рыбными вешалами, сетями и лодками на берегу у табора. Для ознакомления с этой обстановкой и условиями работы не требовалось много времени. Для обстоятельных же опросов и бесед вообще об их житье-бытье не было времени у самих тунгусов, занятых больше рыбной ловлей и обходом магазинов Охотска и Нового Устья (у Рыбтреста). В результате, работа моя среди них здесь дала в общем немного, и гораздо больше удалось сделать в этом смысле немного позже, в районе р. Охоты, на пути из Охотска к Якутску.

С самого приезда в Охотск пришлось заняться в первую очередь собиранием сведений о наиболее интересовавших меня юдомских и аллахских тунгусах. От выяснения местопребывания их зависел выбор и самого маршрута в Якутск. Одновременно с этим начались и поиски подводчиков для этого проезда. Однако, и тот, и другой вопросы оказались трудно разрешимыми.

В Охотске не было никого, включая и местных тунгусов, кто бы знал что-нибудь определенно об юдомских тунгусах, не говоря уже об аллахских. Одни говорили, что юдомцы в большинстве уходят на лето в Оймяконскую сторону, километров за 500—600 на СВ от Охотско-Якутского тракта, а часть их — на гольцы, к югу от тракта километров на 300. Другие говорили, что юдомцы бродят летом в горах у истоков самой Юдомы, а часть их должна быть где-нибудь поблизости от тракта. Но все это было совершенно гадательно. Точно же никто ничего не знал,

ЭР01003

и строить какие-нибудь расчеты и планы на основе таких сообщений было нельзя.

Еще хуже, пожалуй, обстояло дело с подводчиками. Все утверждали в один голос, что проезды куда-нибудь из Охотска стóят безумно дорого и что в летнюю пору вообще вряд ли найдется охотник везти нас. Существовавшие цены были действительно бешеные. Так, еще до декабрьского шторма, для проезда от Охотска до устья Ульи, по хорошей дороге, берегом моря, на расстоянии каких-нибудь 100 *км*, отдавали в тело лошадь, без человека, по 50 рублей. Недели через полторы по приезде нашем в Охотск ко мне являлись два местных жителя с предложением своих услуг по провозу экспедиции до р. Аллаха на лошадях. Они могли выставить 5 верховых и вьючных лошадей, но при условии движения лишь по новому тракту, без каких бы то ни было заездов и своротов на сторону, к тунгусам, с платой по 300 рублей с лошади, причем требовался еще наем проводника, так как дороги они не знали. Стало-быть, просто проезд до Аллаха без заездов к тунгусам, расстоянием в каких-нибудь 600 *км*, должен был обойтись в 1500 рублей, плюс еще одна подвода для проводника и плата последнему, т. е. в общем около 2000 руб. Таких денег у меня и вообще-то не было на разъезды, не говоря уже о том, что от Аллаха до Якутска оставалось еще больше половины дороги, причем могло получиться, что на Аллахе нельзя будет достать совсем подводчиков (как это действительно и оказалось потом). Еще через неделю, примерно, являлся с таким же предложением один якут, запросивший 1500 руб. за провоз до Аллаха же на 3 лошадях и 6 оленях. Отказался, конечно, и от этого, решив подождать еще и разослав с разными попутчиками вызовы тунгусам-оленеводам. Но охотников везти меня среди них также не находилось — по крайней мере ни один не являлся.

Ожидание, однако, в конце концов не обмануло меня. Около половины июля явились ко мне один якут и один тунгус, выходцы с Нелькана, прожившие по несколько лет в Охотском районе, с которыми я и условился, наконец, ехать, но не до Аллаха, а прямо до Алдана, с заездом по пути к тунгусам, если они встретятся или вообще окажутся в доступных для посещения местах. Взялись они везти меня на 13 оленях, с несколькими запасными, за 800 рублей (300 из них — за счет Якутского статистического управления). Выходило около 1 руб. за каждый километр проезда — не так уж дешево, как-будто. Но после первых двух предложений это было уже вполне приемлемо, и я немедленно заключил с ними условие, тем более, что никаких других предложений не предвиделось и, действительно, не было потом. Путь же наш дальше оказался настолько тяжелым, что на оленях в летнюю пору его действительно нельзя сделать дешевле. Возчики мои,

ЭР01003

несомненно, прогадали, потеряв за дорогу эту по несколько оленей, и в конце пути, когда транспорт наш расписался совсем, мне самому пришлось подкреплять его несколько за счет экспедиции, сверх условленной платы возчикам. Но и до выступления в путь из Охотска выяснилось с очевидностью, что я хорошо сделал, не упустив этих двух подводчиков, приехавших туда со специальной целью попытаться сговориться со мной; если б я не взял их, они бы уехали, и больше я бы их не увидел. За последовавшие еще две недели пребывания в Охотске, как я сказал уже, никто больше не заходил ко мне с предложением своих услуг. Правда, как выяснилось потом, и эти-то двое возчиков взялись везти меня лишь потому, что замыслили уйти из Приморского района (там у многих неслужилых русских, якутов и тунгусов была тяга к уходу куда-нибудь; было не мало уже выселившихся оттуда), и им надо было присмотреться к Алдано-Аллахскому району и завести там связи. Но все это не изменяло положения дела. Чрезвычайная трудность приискания по сколько-нибудь сносной цене подвод в то время в Охотске была налицо, и это вполне понятно. Во-первых, июль и август — единственные месяцы, когда тунгусы запасаются на всю зиму рыбой (хотя и редко у кого этого запаса хватает до весны, но каждый думает, что его хватит на всю зиму), и естественно, конечно, что отказаться от этого дела они могут при наличии только очень большого соблазна. Надо добавить к этому, что лов рыбы и самая обстановка промысла для тунгуса являются не только насущным трудом, но в известной мере и традиционным, сезонным развлечением, при котором он перевидает к тому же и всех знакомых своих, и в городе побывает, в магазинах потрется, а то и спирту попьет, японского или корейского самогона. Во-вторых, июль и август — самые тяжелые месяцы для оленного передвижения. Олень в эту пору еще полугол, так как шерсть после линьки не успела еще отрасти, и кожа его очень нежна и чувствительна как к укусам жадного гнуса — комаров, оводов и мошки, так и ко всяким натираниям ремнями и надавливаниям седлами и вьюками (не проходит в пути дня, чтоб тот или иной олень не набил себе спину и не выбыл из строя). Естественно, поэтому, что ни один тунгус без крайней нужды не едет в эту пору на оленях в сколько-нибудь далекий путь, кроме маленьких перекочевок в 5 — 10 *км* раз или два в неделю, да и то только с легкими совсем вьюками.

Подъезжая к Охотску и в первое время пребывания там я намечал дальнейший проезд оттуда не по Якутскому тракту, а до Джугджура по Охотско-Оймаконской дороге, а там свернуть на запад по хребтам и гольцам истоков Юдомы и Аллаха, чтоб ловить тунгусов этих рек, а может-быть и подходящих туда со стороны Оймакона на их летних кочевьях. Но первые же две-три недели жизни в Охотске

ЭР01003

убедили меня в полной неосуществимости этого плана. Невозможным совсем оказалось найти в Охотском районе проводника, который бы провел экспедицию столь необычным и никому не знакомым путем. Невозможно было совсем найти и подводчика, который рискнул бы гнать туда своих оленей, если бы даже были у меня столь большие деньги, что могли бы соблазнить его, не говоря уже об отсутствии у меня таких средств. А ко всему, даже при чрезвычайных затратах и неимоверных трудностях движения по хребтам и гольцам, было весьма проблематично нахождение на этом пути тунгусов; легко могло случиться, что, даже при действительном наличии их, мы могли не встретиться с ними в запутанной и сложной системе никому не известных речек и гор. Естественно, что несбыточный план этот отпал сам собой, и решено было ехать старым, оставленным теперь трактом на Якутск, где, как уверяли меня приехавшие к тому времени с Алдана и Аллаха два-три якута и тунгуса, можно было рассчитывать встретить поблизости от дороги часть юдомских тунгусов и между ними единственного юдомского оленевода со стадом до полутора тысяч голов.

VI

Целых две недели потребовалось моим возчикам после нашего сговора для того, чтобы собрать своих немногих оленей, находившихся в руках разных лиц, а частью и прикупить их, вероятно, на полученные от меня деньги. И только поздним вечером, 28/VII, извещенные о сборе оленей в одном стойбище в тундре, километров за 20 от Охотска, мы выехали, наконец, из последнего на кунгасе через залитую полным приливом лайду р. Кухтуя и заночевали километрах в двух на другом берегу, в маленьком стойбище якутов-рыболовов у устья речки Хайбаса. На следующее утро, погрузив весь груз наш на другой кунгас, двинулись дальше, вверх по речке Хайбасу, к тунгусскому стойбищу Арыеп, где нас должны были дожидаться олени. Проплыв несколько часов, километров через 20 достигли действительно большого стойбища в 7—8 чумов, расположившегося у опушки леса, перед обширной довольно тундрой. В стойбище оказались одни только женщины и дети, так как мужской персонал весь был в это время на промысле рыбы у Охотска. Оленей же не было в стойбище. Все стадо стойбища, голов в 150, потерявшееся где-то еще дней за 10—12 до этого, оказалось, еще не было найдено, хотя искали его со второго же дня по исчезновении. Со стадом же этим отсутствовала и часть тех оленей, что должны были везти нас. Не совсем понятная потеря такого крупного стада, словно провалившегося куда-то, не оставив даже нигде никаких следов для розысков по ним. У меня с моими возчиками возникло даже

ЭР01003

сомнение — не симулированная ли это потеря, чтоб избежать возможной вынужденной возки экспедиции (если бы не нашлись у меня возчики, я вынужден был бы настаивать перед местным РИК'ом о конкретном содействии, отказать в чем ему было бы неудобно), о чем тунгусы могли быть извещены доброжелательно.

Но так было дело или нет, а факт был тот, что нам приходилось сидеть и ждать, когда найдутся олени. Меня, впрочем, мало беспокоило это обстоятельство. Времени у меня впереди казалось достаточно, предстоявший путь представлялся совсем не таким, каким он оказался в действительности, а тут было как-раз большое интересное стойбище, где можно успешно работать. Делом этим я и занялся действительно, не откладывая его в долгий ящик, внутренно даже довольный отчасти непредвиденной более длительной задержкой, чем обычные остановки в пути во встречных стойбищах.

Раскинувшееся в небольшом, чахлом лесочке, у тундры, стойбище, как я сказал уже, было большое (больше 3—4 чумов, обычно, редко встречается) и населено исключительно женщинами и детьми. В первый день нашего приезда туземки, как водится обычно в глухих тунгусских углах, дичились нас, молчали, а иные и удирали просто в лес или к соседям. Но на следующий день робость и несообщительность эти несколько сгладились, особенно после угощения чаем некоторых пожилых женщин, так что скоро наладилась возможность и расспрашивать их о том, о сем, и коллекционировать среди них. Стойбище было смешанное — тунгусов районов рек Кухтуя и Охоты. Чумы своеобразные — наполовину с обычными, наклонно уставленными прямыми шестами стенок, а наполовину с отвесными стенками на подставках, отдаленно напоминающие киргизские юрты (связки этих стенных подставок я встречал и по р. Улье, выше устья; но самой установки этим способом там еще не было, ибо она применяется лишь летом, когда требуется больший простор в чуме для развешивания подсушиваемой и подкапчиваемой над очагом рыбы).

И внутри чумов, и около, виден больший достаток, чем у ульинских или верхне-майских тунгусов. Но достаток относительный, конечно, только в сравнении с вопиющей нуждой тех тунгусов. В общем же достаток жалкий, из-за которого выглядывают те же бедность, нужда и голод временами. Последний царил частично в стойбище и в момент нашего проезда. Обитательницы его и детвора сидели без хлеба, а отчасти и без чая, несмотря на близость Охотска. Пытались ловить в тундровых ответвлениях речки Хайбаса рыбу сетями, но она не поднялась еще сюда и не ловилась. Основой питания являлась у них в эту пору росшая в обилии в тундре, созревшая уже морошка. Надо отметить кстати, что морошка, по 6 руб. за 16 *кг*, принималась в Охотске госорганами на

ЭР01003

варку варенья. Но никто в стойбище не собирал ее для продажи, хотя любая тунгуска могла бы шутя набирать ее по 16 *кг* в день. Сказывались обычные инертность и лень.

Прошли так два дня. О потерявшемся стаде оленей ни слуху, ни духу, как и об ищущих его тунгусах. Возчики мои нервничали. Предложил им искать выхода из создавшегося положения, и он скоро был найден ими. Часть оленей была у них в соседнем маленьком стойбище. Недостающую часть они взяли там же, в обмен на потерявшихся, что должны были найтись вместе с потерявшимся стадом. В результате, 1/VIII, провозившись часа три с вьючением неезженых еще в это лето и неистово бившихся оленей, мы тронулись наконец в путь. Но какой это был путь! Мы бились часа два в тундре, утопая где до щиколок, а где и выше, во мху тундры, меж болот и мочажин, останавливаясь поминутно для поправления сбрасываемых оленями вьюков и, проехав слишком за час всего с километр, вынуждены были стать на обеденный привал, пока не спадет дневной жар. Царившие же все время до нашего выезда из Охотска дожди и туманы сменились с 29/VII яркой, солнечной погодой и, как на зло нам, жарой, хоть и не столь большой, но достаточной для оживления тьмы оводов, доводивших наших несчастных животных буквально до исступления. В дневной жар на них невозможно было ни ехать, ни везти что-нибудь, ни даже кормить их — между утренней и вечерней прохладой они могли лишь толпиться и жаться вкруг костров-дымокуров. Только вечером в этот день мы смогли двинуться дальше. Ехали часа два и, проехав каких-нибудь километров 6, стали на ночлег в небольшом чахлом лесочке, на берегу маленькой тундровой речушки, вздувшейся от предшествовавших дождей. Двинуться дальше на утро нам не пришлось, так как шел проливной дождь, не прекращавшийся целых пять дней. И все эти пять дней мы принуждены были просидеть на берегу дрянной тундровой речушки, где не мало труда стоило найти достаточно сухих дров для варки пищи.

Не буду описывать дальнейший путь, характер которого должен быть известен каждому, кто знаком с летним вьючным движением на оленях. Скажу лишь коротко, что расстояние в сотню с небольшим километров от Охотска до с. Арки, на р. Охоте, проходимые в зимнее время в каких-нибудь полтора-два дня, мы ехали три с лишком недели. Как тут, так и дальше нам мешали двигаться нормально или бесконечные дожди, или гнус — овода, комары и мошка (тунгусы говорили, что давно уже не было такого обилия гнуса). До последних чисел августа особенно свирепствовали овода, а отчасти комары, и в ясные солнечные дни, в перерывах ненастья, мы двигались лишь ранним утром, с 5 или 6 до 8—9 часов и редко до 10 час. утра. С 8 часов утра

ЭР01003

начинало обычно пригревать солнце, а через час пробуждалась уже жизнь оводов, и тут приходилось только выискивать поскорее хоть маломальски подходящее место для табора, так как двигаться дальше нечего было и думать, во избежание порчи и уничтожения вьюков взбесившимися животными (стóит послышаться жужжанию одного только овода, как все олени каравана нервно настораживаются, а с появлением нескольких оводов они начинают уже биться, путаться и сбрасывать вьюки). Первой заботой на таких остановках являлось разведение ряда костров из ивняка, гнилушек или мха, что найдется под руками, так как иначе дико мечущиеся олени могли растоптать весь наш груз. До самого вечера тут жались и бились олени и только около захода солнца шли пастись на корм. Но, попасясь минут пять, они мчались обычно как угорелые назад, к дымокурам, и только после захода солнца, с затиханием оводов, они принимались по настоящему щипать корм. Тут их приходилось уже привязывать на ночь, так как в грибную осеннюю пору животные не стоят на корму, а в поисках любимого лакомства — грибов — далеко отбиваются от табора; две попытки наши кормить их ночью свободно кончились тем, что мы потеряли два дня в поисках убежавших далеко животных и, после этого, опыта вольного корма их не повторяли уже, конечно, несмотря на всю нежелательность корма на привязи при дальнем пути (животные не наедаются и скоро худеют).

12/VIII миновав, наконец, Охото-Кухтуйскую тундру, раскинувшуюся с мелкими перерывами на тысячу с лишком квадратных километров между низовьями этих рек, мы выехали к р. Охоте, ниже с. Арки, где встретили одинокий чум отунгусевшего совсем старика-якута с тунгусской семьей, с которыми нам пришлось потом просидеть вместе дня 4 на р. Охоте, немного выше. В смысле сбора материалов это была счастливая встреча, так как очень толковый и бывалый якут этот оказался исключительно сведущим во всех тонкостях тунгусского быта, нравов и обычаев и сумел рассказать толково несколько фактов, которых сами тунгусы не умели объяснить мне как следует.

До этого, на речке Уйкан я просидел также дня два еще у одного одиночного чума бродячей тунгусской семьи, приехавшей туда для лова рыбы, начавшей подниматься вверх по речке. Здесь мне, кстати, впервые пришлось видеть пару медведей, медленно шедших на тот же промысел к речке. Ничуть не стесняясь ни нас, ни дыма наших костров, звери в яркий солнечный полдень чинно продефилировали шагах в 200 от нашего табора, спустившись с лесистой гривки, через луг, к речке. Все три моих спутника, схватив свои винтовки, бросились, конечно, тотчас же за ними вдогонку в прибрежный лесок, но неудачно. Завидев людей, звери во всю медвежью прыть кинулись обратно в лес и быстро исчезли. Удивили тут меня наши олени. Сбившись у дымо-

ЭР01003

куров табора, они даже не заметили и не почуяли так близко прошедших опасных зверей. Но если и не удалось нам тут добыть себе медвежьего мяса, то я лично был вполне удовлетворен за то встретившимся здесь тунгусским стойбищем, и два дня сидения тут дали мне возможность записать не мало интересных сведений. Две описанные встречи людей были и единственным на всем пути от ст. Арыеп до района Арки.

16 и 17/VIII мы перебрались, наконец, на самодельной брезентовой байдарке через ряд рукавов быстрой р. Охоты на правый берег и стали табором между с. Аркой и бывшим выше его стойбищем. В районе этом простояли дней 5—6, раз только передвинувшись за несколько километров для удобства работы в бывших тут двух стойбищах.

Село Арка—это давний центр тунгусов Охото-Кухтуйского района, куда исстари съезжались они перед весной на годичную ярмарку, как для решения своих общественных дел, так и для торга с заезжими купцами, исполнения церковных треб и гульбы. Пункт этот и сейчас сохраняет то же значение и в тех же целях. Селеньице само по себе крошечное, всего из семи небольших домов-срубов с отдельными амбарами, разбросанных в беспорядке, без всяких дворов, на открытой небольшой луговине, над небольшой речкой, впадающей тут же поблизости в Охоту. Имеются тут же небольшая церковь, деревянная, и два кладбища — тунгусское и якутское (говорят, что тунгусы не позволяли хоронить якутов на своем кладбище, почему те и устроили отдельно свое). Самый поселок в наш проезд был совсем пуст; живут в нем только зимой. Вся луговина его буйно поросла прекрасной травой, где можно бы смело накосить тысяч 30 килограммов сена. Но косить ее теперь некому, как и на прекрасных лугах по соседству. В прежние годы жившие тут якуты держали немного рогатого скота и лошадей. Но это уже вывелось совсем, и теперь там нет ни одного скотовода.

Выше и ниже Арки, на берегу Охоты расположились два временных стойбища тунгусов, занятых рыбной ловлей и заготовкой юколы и порши (сваренная, высушенная и истертая в порошок рыба) для зимних запасов. В одном из них семь чумов, в другом — три, того же смешанного типа, что мы видели в ст. Арыеп. Живут тут аркинские тунгусы, обитающие зимой частью в самом поселке Арке, частью близ него, по системе р. Охоты. Житье также неважное. Оленей мало, от 2 до 4 в хозяйстве, и лишь у немногих десятка по три. Промысел пушного зверя плохой, белки в районе очень немного, а охота на водящихся там далеко не в изобилии красных, сивых и чернобурых лисиц кончается часто впустую. Добывают медведей, лосей, диких оленей и горных баранов, но не в большом количестве, лишь для себя, на мясо, а не на продажу. Начиная с [illegible] весны и до поздней осени, население все сидит

ЭР01003

исключительно на рыбе, добываемой обыкновенно небольшими сетями в р. Охоте и ее притоках.

23/VIII, расставшись с этим районом, мы двинулись дальше, держа путь по речке Ангайкану, впадающему близ Арки в р. Охоту. По карте она значится Аркой и показана длинной, как и сама Охота, не превышая в действительности каких-нибудь 70—75 *км*. Надо сказать, кстати, что карты как Приохотского, так и Верхне-Майского района, вообще грешат большими неточностями. Так, хорошо известная всем в Приохотском районе речка Кетанда показана впадающей в Арку (т. е. Ангайкан), тогда как в действительности она принадлежит к системе р. Урака. В Верхне-Майском районе между верховьями речек Иот и Нудми показано очень большое расстояние с рядом значительных речек между ними, тогда как в действительности они очень близки и не разделяются никакими значительными речками. Но я отклонился немного.

Путь по речке Ангайкану прескверный. Шли мы или трудно проходимыми дебрями лиственных лесов, или столь же неудобными речниками (обнаженные галечники), усеянными крупными, местами острыми булыжниками, переходя без конца вброд с одной стороны речки на другую, с риском местами утопить или подмочить груз и материалы.

На третий день пути тут выехали к бывшему станку Ангайкану, где нашли один чум бродячей тунгусской семьи, ставшей тут для того же рыбного лова. Это было последнее человеческое жилье, встреченное нами в приморском районе. Дальше отсюда до самого Аллахского района нам не встретилась ни одна живая душа.

28/VIII добрались до так называемой часовни на речке Кетанде. Это крошечный поселок из трех полуразрушенных домов-срубов, с церковью, запертой вместо замка деревянной заложкой (ценностей, правда, там никаких нет). В прежние годы здесь также был особый центр, куда съезжались на свою годичную ярмарку (суглан) тунгусы Верхне-Уракского, Юдомского и Аллахского районов. Теперь это опустевший и брошенный поселок, где никто не живет и куда никто уже не съезжается. Только в зимнее время, километрах в 7—10 отсюда выше по речке Кетанде, у имеющихся там рыбных озер, обитает, говорят, несколько семей тунгусов-рыболовов, с небольшим количеством оленей. Частью из-за дождя, частью поджидая обещавшего догнать нас аллахского тунгуса, хорошо знающего места впереди, мы просидели тут дня два. Ожидания оказались, однако, напрасными, и 31/VIII, не дождавшись никого, тронулись дальше.

Путь наш с Кетанды пошел уже все время в гору, взбираясь постепенно на Джугджур. Это не изменило, впрочем, характера нашей дороги. Как на переходе от речки Ангайкана к Кетанде, так и отсюда к Джугджуру мы шли больше лесными, травяными или моховыми боло-

ЭР01003

тами, хлюпая по целым дням в воде, по долинкам и падям разных мелких речушек. Всюду мох, мох и мох, что ни шаг, то вязнешь выше щиколок, а то и до половины голени в этот мягкий мох, напитанный водой. Мох и болотца эти всюду, и на открытых прогалах, и в самых однообразных и тощих лесах чахлой лиственницы, с редкой примесью кой-где мелкой березы. Посуше несколько оказался лишь подъем на самый Джугджур, у самого перевала. А за ним, по спуске с перевала, по следующим уже более пологим склонам и до самой Юдомы пошли снова те же болота и мхи. Единственно, что облегчало немного наш путь с Кетанды, — это исчезли, наконец, овода и комары, что давало возможность более спокойного хода оленей. Не исчез, правда, еще третий жестокий бич — мошка, изъевшая мне лицо в сплошные коросты и язвы (тунгус-возчик мой не верил даже, что такое может статься от мошки — на привычной коже туземцев укусы мошки не оставляют следов — и заподозрил, не привязалась ли ко мне какая болезнь, в чем разуверился лишь по исчезновении болячек вместе с мошкой). Но олени, обросшие уже за месяц шерстью, относились к ней совершенно спокойно.

Перевалив 31/VIII по очень пологим подъему и спуску через Джугджур, 2/IX мы выехали уже к р. Юдоме, километрах в 50 приблизительно выше станции Юдомы Крестовской, лежащей на новом тракте, проехав от Охотска по моим расчетам километров 380. Небольшой переход этот, отнявший, однако, целый месяц, оказался даже тяжелее пути от Нелькана до Охотска в распутицу. Болота, гнус, дожди, жалкие чахлые леса на той же болотине, грязи и тундры, при полном отсутствии какой бы то ни было проезжей дороги (время от времени выходили, правда, начиная с бывшего станка Ангайкана на старый, давно брошенный зимний тракт, но он представлял неизменно сплошное, местами топкое болото), делали путь местами трудно проходимым. Почти регулярно, через каждые 2 — 3 дня, выходили из строя то тот, то другой олень, набив себе спину вьюками, вынуждая тем возиться каждый раз с новым комбинированием и распределением вьюков, чтоб как-нибудь сжать их для возки на меньшем количестве оленей, или облегчить одни вьюки за счет других, сообразуясь с силами животных, или создавая новый и легкий вьюк для вьючения на какого-нибудь необученного еще молодого оленя второгодка, следующего за своей маткой. Один верховой олень, лучший из всех, при переходе через одну грязную яму в ольховой чаще, сломал себе хребет, и его, как ни было жалко, пришлось заколоть на мясо. Запас провизии возчиков наших, взятый в обрез за ограниченностью транспорта, почти весь вышел еще на Кетанде, и, чтобы не сесть полностью на мое иждивение, они должны были заколоть еще одного оленя. По той же ограниченности оленей и у меня

ЭР01003

запас провианта был рассчитан лишь с небольшим на полтора месяца. Тем не менее пришлось делиться им с возчиками, в результате чего, в конце пути нашего, дней 10 нам пришлось питаться лишь одним чаем с маслом, подкрепляясь иногда превосходной, правда, гольцовой брусникой (этс было уже за Аллахом, на пути к Алдану), — обстоятельство, побудившее нас, в конце концов, заколоть и еще одного оленя из нашего и без того крайне слабого транспорта (всего за дорогу до Алдана съели 5 оленей). Транспорт наш, таким образом, таял с каждым днем, и если, тем не менее, мы как-то справлялись со своим движением, то лишь потому, что, параллельно таянию транспорта, таял и запас наших продуктов, облегчая с каждым днем все больше и больше вес нашей клади.

На р. Юдоме просидели дня три как для передышки оленям, так и в ожидании спада воды в реке, сильно разлившейся от обильных дождей, готовя в то же время не спеша свою примитивную байдару для переправы. Пытаться переправиться сразу же по приходе было рискованно. Разлившаяся метров на 400, от берега до берега, река была быстра и многоводна, и усталые олени, а главное тугутки (молодняк этого года) могли не справиться с быстрым течением. Стояла к тому же скверная погода. Моросил все время мелкий нудный дождь, изредка только дразня нас на полчаса-час солнечным светом. В результате месяца езды в постоянной слякоти, с ежедневным промачиванием ног, я, видимо, простудился и схватил инфлуэнцу. Дня два сидения тут еще перемогался и кое-как работал. На третий день к вечеру мы переправились через Юдому и, переночевав тут, на правом берегу, на утро 6/IX тронулись было дальше. Но, наполовину проехав, а наполовину пройдя пешком каких-нибудь километров 8 по тем же лесным болотинам и моховищам, я обессилел и не был уже в состоянии двигаться дальше. Пришлось на первом же подходящем месте стать табором, решив, если мне не будет лучше, простоять тут день или два. К благополучию нашему мне, однако, отлеживаться не пришлось. На следующее утро я почувствовал себя значительно лучше, почему, не мешкая больше, мы двинулись в дальнейший путь. Случаев таких ни до, ни после этого больше со мной не повторялось.

Путь наш от Юдомы должен был лежать на станок Капитанскую Засеку, где выйти на существующий тракт и подлежавшую сносу телеграфную линию. Но возчики мои вскоре же после Юдомы сбились с направления, взяв, не согласившись со мной, южнее, чем следовало, и дня два с половиной мы двигались снова без всякой дороги по скверным местам — топями, болотом, лесною чащей, пока, перевалив через один очень значительный горный хребет, не спустились 9/IX к речке Уолгачану, километров с лишком на 30 к Ю от ст. Капитанской Засеки,

ЭР01003

попав тут уже на постоянный летний тракт, проходящий через Юдому Крестовскую. Движение наше с этого момента стало лучше и легче. Как по долине Уолгачана, так и по следующим речкам, стали часто попадаться сухие релки и поля. Моховые болота исчезли почти совсем. Стал лучше и суше лес. Чаще и чаще стали встречаться еловые леса, совершенно отсутствующие, как и сосна, в Приохотском районе (одиночными деревцами ель начала попадаться уже со спуска с Джугджура к Юдоме). Погода стала свежеть. Еще в дни сиденья на Юдоме, на дальних высоких гольцах, видных с табора, две ночи подряд выпадал снег, уже не стаявший потом (внизу у нас в это время шел дождь). По мере же движения дальше уже все вершины высоких гольцов водораздела Юдомы и Аллаха покрылись сверкающей белизной свежего снега. С похолоданием исчезла, наконец, и мучившая нас все время мошка. Движение наше значительно ускорилось, и мы шли уже хорошим ходом к Аллаху, пользуясь имевшейся дорогой, сносной местами для вьючного движения. Местами шли телеграфной просекой. Правда, как просека, так и дорога, о которых никто не заботится, где начали зарастать, а где и заросли уже молодым лесом. Всюду путь преграждают завалы бурелома и валежин. Часто встречаются грязные болотца, рытвины, ямы и т. п. Но все это тем не менее значительно лучше, чем бесконечные моховые и иные болота, что держали нас в плену до речки Уолгачана и где было так трудно двигаться.

17/IX достигли речки Анчи, левого притока Аллаха. Значительная и сама по себе речка эта сильно прибыла от дождей и бурно катила свои воды, как порядочная река. О броде нечего было и думать. Строить опять байдару-душегубку и пытаться переправиться на ней было рискованно — слишком быстро было течение на сплошных перекатах этой типичной горной речки. Погода как-будто поправилась, и можно было думать, что через сутки вода спадет и откроет нам брод.

Решили выждать этого спада. Но, просидев напрасно дня два, увидели тщетность своих ожиданий и пошли вниз по речке, к тракту, от которого отклонились, погнавшись за свежими сравнительно следами прошедшего недавно кочевья тунгусов. Кочевье ушло вверх по Анче, и гнаться за ним не было смысла — могли забраться неизвестно куда, тунгусов не найти и быть захваченными в результате снегом, который сеял теперь на нас чуть не каждый день, убеляя все больше и больше вершины высившихся над нами гольцов. Стоячая вода замерзала уже каждую ночь и в тенистых местах не таяла и днем. С большим трудом, чуть не утопив наши грузы в разлившейся боковой речке и промываемом ею новом русле в болотистой луговине, выбрались кое-как на дорогу, которая и вывела нас на другой день 20/IX к обычному броду на речке Анче, километрах в 20 ниже места, где мы зря просидели два

ЭР01003

с лишним дня. Вода, однако, была велика и тут, и брод был непроходим для оленей. Но за речкой оказался чум отунгусевшего аллахского якута с семьей, который и перевез нас с нашим багажом в 6—7 приемов через Анчу, на своем дощатом челне. Как от старика этого, прикочевавшего сюда для лова рыбы, так и от встреченных нами через два дня жителей самого Аллаха, мы узнали о бедственном положении населения всего этого района. По сообщениям их, тунгусов по системам Юдомы и Аллаха оказалось очень немного, всего каких-нибудь 28 хозяйств, и подавляющее большинство их в наш проезд голодало в полном смысле этого слова. Правда, на Юдоме как раз кочуют три самых богатых оленевода всего Майского бассейна: у одного около 2000 оленей, у другого до 500 и у третьего две-три сотни. Но эти трое—исключение. Вся же остальная масса—бедняки, среди которых у 50 с лишком процентов не найдется и по два десятка оленей, а у остальных—немногим лишь больше этого. Правильного снабжения их товаропродуктами со стороны госорганов нет совсем. Снабжаются они товарами от разных приезжих спекулянтов-якутов по невероятным совсем ценам, вроде того, что 16 *кг* ржаной муки стоят 10 белок, 16 *кг* якутского масла—80 белок, 1 кирпич плохого чая—3 белки, 1 пачка спичек—1 белка и т. д.

Это при лимитной стоимости белки в 1 р. 60 коп., принимавшейся, однако, спекулянтами от тунгусов по 1 р. В результате такого порядка вещей, встреченные нами жители Аллахского района сидели в этот момент без хлеба, масла, чая, сахара и даже соли. Семья якута, встреченного нами на речке Анче, к нашему приезду уже дня три сидела на одной горячей воде и созревшей только-что к этому времени бруснике. Рыба, которой обычно питаются там лето и осень, не ловилась совсем из-за необычно большой воды в речках. Даже в озерах, обильных обычно карасями, последние не попадали почему-то совсем в сети, как на зло людям. Единственное, чем питались иные,—зайцами, если удавалось кому добыть одну-две штуки их за день петлями или ружьем. Тунгусы говорили резонно, что если осенью, к началу белкового сезона, им не будут доставлены мука и охотничьи припасы, то им придется отказаться от беличьего промысла (обещавшего быть богатым в этом году) и вообще подумать о выселении совсем из этого района, где приходится гибнуть. А надо сказать, кстати, что Аллахский район—один из сравнительно богатых еще разным пушным и иным зверем, не говоря уже об обилии в обычное время рыбы, сильно поддерживавшей хозяйство туземцев. Ко всему этому район богат, несомненно, и разными ископаемыми рессурсами, пока мало кому известными и недоступными, конечно, самим аборигентам. Плюс к этому, по Аллаху имеются, хоть и в небольшом количестве, кое-какие покосные места, позволяющие ведение небольшого скотоводства. До революции оно и было там в нескольких

ЭР01003

хозяйствах. Имелись, напр., два хозяйства, владевших по сотне с лишком голов конного и рогатого скота. В наш же приезд там имелись только четыре хозяйства, у которых, вместе взятых, едва насчитывалось несколько лошадей и с десяток голов рогатого скота. Остальное все съела гражданская война.

Выручив мясом задохшегося на своей привязи при стоянке на речке Анче оленя[1] голодающую семью встреченного нами тут якута, 20/IX выехали уже оттуда к р. Аллаху, куда и прибыли на другой день, проехав от р. Юдомы приблизительно километров 240.

Со встреченными здесь полуякутами и тунгусами, к слову сказать, очень немногими, оказавшимися налицо, я провел неполных три дня, стараясь не упустить из них ни одной минуты и беря на короткую заметку все слышанное от них в ответ на мои расспросы, чтобы сделать по ним свои записи потом в дороге, как я это делал обычно ввиду траты массы времени на безлюдную дорогу и краткость общения с редким населением. Это были последние тунгусы, встреченные нами на этом пути. Дальше отсюда, до самого Алдана, на протяжении 280 *км*, нам не встретился больше уже ни один человек. Переход этот прошел в полном смысле таежной пустыней. Путь от Аллаха до Алдана очень трудный. Масса болот и кочкарников по речкам, грязи, рытвин и всевозможных ям в лесах и ряд очень высоких и трудных гольцовых перевалов (мы ехали летней дорогой, через Алдано-Аллахский водораздел). Спасение наше было только в установившейся ясной и холодной погоде. Все мелкие болотца, озерки, ручейки и русла маловодных речушек сковало льдом, и мы довольно ходко двигались утрами, пока не начинала таять от солнца работа морозной ночи. Правда, на иных, более глубоких болотах, лед не выдерживал и обваливался под людьми и оленями, сугубо затрудняя наш путь; попадались также болота, где часами приходилось биться оленям и нам, напрягая все силы, чтобы пройти каких-нибудь 2 — 3 *км*. Но в большинстве лед утрами держал хорошо, и мы пользовались этим, чтоб успеть пройти за утро как можно больше. Дней десять так ехали мы до Алдана, питаясь, как я говорил уже выше, одним чаем с маслом, иногда брусникой, и съев под конец еще одного худого и старого оленя.

4/X достигли, наконец Охотского перевоза на р. Алдане, где я расстался со своим оленьим транспортом и возчиками. Экспедиция этого года здесь собственно закончилась. Дальше мне оставалось двигаться только к Якутску. Казалось, проезд этот прост, и я быстро проеду оставшийся конец пути. На деле же оказалось совсем не то.

[1] Мясом павшего животного туземцы не брезгают; у верхне-майских тунгусов удушение — даже обычный способ убоя домашних оленей.

ЭР01003

Весь район от Алдана до Якутска был поражен чрезвычайной засухой и бессенницей, почему транспортный вопрос стоял крайне остро. Найти лошадей и подводчика было делом совсем нелегким. Решил было ехать поэтому на челнах, вверх по Алдану, чтобы побывать у кюпского рода (наслега) алдано-майских тунгусов. Но ввиду ожидавшейся со дня на день шуги по Алдану, не нашлось охотников ехать со мной этим путем, и найдя, поэтому, не без труда, лошадей, с якутом-подводчиком я направился на речку Татту, где, как предполагалось, легко будет в густо населенном якутами, богатом районе найти лошадей для следования дальше. Но и этот расчет оказался неверным. К той же острой бессеннице тут присоединились еще не предвиденные мной затруднения в приискании новых подвод. В результате только дней через десять я смог выехать из Татты, да и то не прямо в Якутск, а в с. Амгу.

До Татты с Алдана километров около 170 ехали еще вьюками, хотя кой-где встречался уже свежий снег. Отсюда же до Амги ехать пришлось уже санным путем, хотя снега было еще совсем мало и чуть не половину пути тащились по голой земле.

Ехал я один с ямщиком, бывалым якутом; сотрудник мой Миша расстался со мной на Татте. На шестой день пути, проехав километров 240, добрались, наконец, до Амги, где опять-таки пришлось поскучать. В результате же всего этого я попал, наконец, в Якутск только 15/XI, пробыв в поездке всего ровно 11 месяцев и сделав маршрут всего около 4200 *км.*

Бросая общий взгляд на весь пройденный маршрут этот и все виденное и встреченное за это время, дополню здесь все выше сказанное следующим. Расстояния между конечными пунктами всего пройденного района оказались немного короче, чем принято считать. Но и этот менее длинный, чем предполагалось, маршрут для этнографической работы оказался слишком велик. В районе с трудными условиями передвижения при полном отсутствии каких бы то ни было дорог и недостатке оленей, когда самое движение идет очень медленно, на это последнее затрачивается чересчур много времени, что не может не быть в ущерб самой работе. Из 11 месяцев поездки, вполне производительного сидения было у меня не больше двух месяцев, да столько же было малопроизводительного сидения в разных местах, где, по тем или иным условиям, приходилось не все время уделять прямой работе. Семь же месяцев полностью ушли на дорогу, где работать приходилось только на остановках, ночами. При более коротком маршруте, с меньшим количеством разъездов, результат работы был бы несомненно полнее и обстоятельнее.

О крайне слабой населенности всех пройденных мест и вопиющей местами бедности населения я говорил уже не раз выше. Иллюстрирую

ЭР01003

только здесь это несколькими цифрами, полученными мной попутно при руководстве переписной работой, цифрами, если и не вполно точными (окончательных подсчетов в Якутском статистическом управлении еще не было произведено), то, во всяком случае, близкими к этому.

По системе р. Маи (не считая полуоседлых тунгусов Алдано-Майского улуса в ее низовьи), с включением Юдомо-Аллахского района, обитает всего населения 1020 душ обоего пола и всех возрастов.

В Аянском районе, от речки Кыран до речки Тукчи (без малого около 535 *км* по побережью),—269 душ.

В Охотском районе, от речки Тукчи по р. Иню включительно,—1199 душ.

Всего в этом обширном районе оказывается, таким образом, 2488 душ, включая сюда и русских, и якутов, не считая только самого Охотска и его русских селений, где также едва наберется около полуторы тысячи душ.

Оленей, этой основы благосостояния тунгусов, перепись дает также ничтожное количество. Относительно благополучно в этом смысле в Охотском районе, где зарегистрировано 16 741 олень. Но и это благодаря лишь Инскому району, где имеется несколько оленеводов, владеющих стадами в 1000—3000 голов. В районах же рек Ульи, Урака, Охоты и Кухтуя дело обстоит совсем неважно.

В Майском районе установлено наличие всего — 3389 оленей; в Юдомо-Аллахском — 2433; в Аянском — 537; в Алданском — 13.

Всего оленей, по всему пройденному району, выходит таким образом 23 113 голов, считая с производителями и молодняком 1927 г.

Если допустить, что действительного наличия оленей не удалось установить, что до 25% было скрыто от переписи и что, на самом деле, их наберется во всем районе до 30 000 голов, то оказывается, что в лучшем случае на душу, в среднем, приходится лишь семь штук оленей. Богатство, конечно, весьма эфемерное.

Другая основа благополучия тунгуса — беличий промысел. Но и тут переписные данные, при наличии крупной продукции некоторых отдельных добытчиков, устанавливают, в общем, совершенно ничтожную добычу в 30 белок, в среднем, на душу в год, что, конечно, весьма далеко от обеспечения прожиточного минимума.

И если даже, не приводя пока больше никаких цифр, добавить только к сказанному, что наличие пушного зверя в тайге и рыбы в море и реках, неизменно, из года в год, постепенно уменьшается и добыча их тунгусами падает, то и этих немногих данных, думается, будет достаточно для определенного вывода о неблагополучии современного положения тунгусов.

ЭР01003

VII

В поездке этой, как отмечалось уже, алданские полуоседлые тунгусы были затронуты лишь мимоходом, в начале поездки, в предположении возможности ознакомиться с ними в части, обитающей по низовью Маи. Но десяток дней пути по Мае, до устья р. Аима, срок слишком короткий, конечно, для изучения быта, резко отличающегося от бродячего. К тому же полуоседлые майцы, переходные от оседлого к бродячему быту, при всем сходстве по образу жизни с полуоседлыми алданцами, являют некоторые особенности. Обстоятельства эти вынудили меня еще в Нелькане поднять вопрос перед Якутской комиссией о желательности дополнительной поездки к алданским тунгусам, результатом чего был отпуск дополнительного кредита, позволивший предпринять туда новую поездку для изучения уже исключительно полуоседлых тунгусов Алдано-Майского улуса.

Вторая поездка эта, благоприятная для работы по своей минимальной затрате времени на непроизводительные разъезды, протекала, однако, с целым рядом не зависевших от меня непроизводительных и длительных задержек как в Якутске, так и на пути оттуда к Алдану, вызвавших и сокращение времени работы и самого маршрута.

Только 11/I мне удалось выехать из Якутска той же старой дорогой в Амгу, с тем, однако, как оказалось, чтобы просидеть недели две и в этой последней.

Предположение мое было — сначала двигаться отсюда прямо к устью речки Нотары и ехать уже оттуда с работой вверх по Алдану до границы улуса у устья р. Учура. Но обстоятельства вынудили изменить этот план и направиться на двух санных подводах к с. Петропавловскому, чтобы сделать оттуда объезд вверх по Алдану, а потом уже двигаться вниз и по Нотаре вернуться обратно, через Амгу.

Путь до Петропавловского оказался не лучше, чем в предшествовавшем году. Населения якутов оказалось, правда, немного больше, но часть его подалась в стороны от дороги. Сена было также мало. Дорога сама в открытых местах большей частью была задута, а в незадутых местах, в лесу, благодаря значительному движению, размешана с землей, что сильно затрудняло наш ход. А так как ко всему этому груза у нас для двух подвод было много, то двигались мы крайне медленно.

11/II добрались до Петропавловского, где остановились на той же Аэрометеорологической станции у П. Н. Малокиенко. Не рассчитывая своего возчика, сейчас же по приезде я начал справляться о возможности продолжения дальнейшего движения, что выяснило без долгих разговоров совершенно неблагоприятную картину. Большая часть лошадей как

ЭР01003

селений Петропавловского, Троицкого и Устьмайского, так и ближайших тунгусских наслегов оказались в разгоне по разным возкам, и транспортный вопрос стоял остро и здесь, почему, не тратя времени на расспросы и поиски, я сговорился с привезшим меня возчиком на круговую поездку, в объезд со мной алданских тунгусов, на что он без труда согласился благодаря назначенной мной значительной плате — по 200 руб. в месяц, за две подводы. Это было удобнее и для меня, так как избавляло от найма подводчиков с места до места и от связанной с этим потери времени на необходимые поиски и разговоры, в то время как взятый на продолжительное время возчик становится в своем роде сотрудником, берущим еще на себя часть разных мелких, хозяйственно-технических забот.

Разрешив так этот существенный для меня вопрос, я не стал уже задерживаться в Петропавловском и, дав 4 дня отдыха лошадям и перепаковавшись для новой поездки (часть груза, провизии и материалов оставили до возвращения в Петропавловском), утром 16/II выехал уже в объезд тунгусов 2-го Эжанского наслега. С этого дня началась у меня, до конца поездки, полоса крайне напряженной и интенсивной работы. Переезды от жилья к жилью были небольшие, отнимали немного времени, и, пробыв в пути какой-нибудь час, другой, много 3—5 часов, мы очень рано приезжали обычно куда-нибудь в новое жилье, и я принимался за работу, продолжавшуюся до часу-двух ночи, с тем, чтобы на утро, часов с 8—9, вновь взяться за дело. Обстановка для работы была благоприятная. В каждом жилье вокруг меня образовывалась (за редкими исключениями малолюдных урочищ или малосемейных юрт) всегда группа в несколько человек, для которых наши разговоры, мои расспросы и записи являлись в своем роде необычным развлечением (тунгусы любят поболтать с новым, заезжим человеком). Для меня это было очень удобно. Охотно отвечая на все мои вопросы, группа моих собеседников являлась в то же время как бы и сама себе контролем. Всегда одни дополняли и поправляли других, вступая нередко в споры между собой, что бывало особенно интересно, так как при таких спорах выплывали обычно такие детали, о которых не может, конечно, знать расспрашивающий, а сам рассказчик не скажет о них, как о нестоящей мелочи. (Конечно, этими групповыми расспросами я пользовался, где только можно, и в предшествующей поездке).

Утрами, пока шли сборы к еде, а потом и в дорогу, я сидел за своими записями, и лишь после того, как мне сообщали, что готовы лошади, свертывалась моя папка с бумагами, и мы трогались в путь. И так шло изо дня в день.

Случалось нередко, уже после полуночи, когда кончались мои расспросы и я предлагал собеседникам своим ложиться спать, чтобы одному,

ЭР01003

не отвлекаясь ничем, кончать свои записи, собеседники мои вместо этого принимались расспрашивать меня в свою очередь о том, о сем. О чем только ни задавались тогда вопросы! Начиная от жизни городов, железных дорог, пароходов и кончая вопросами мироздания и эволюции, — все интересовало тунгусов, вызывало их удивление и слушалось с напряженным вниманием. Трудно было отказать им отвечать на их вопросы, с таким интересом и увлечением расспрашивали они обо всем, часто неожиданно перескакивая с одного на другое, мешая вопросы практического порядка с вопросами о чуждом им быте и жизни других людей.

Был, помнится, случай, когда хозяйка дома, легшая давно уже спать, поднялась при таком разговоре после полуночи, оделась и, выйдя к нам, просидела и проговорила с нами до двух часов ночи. Большинство рассказов о чудесах современной техники и достижений науки слушались, конечно, как чудесная фантастика, как какие-нибудь арабские сказки; возможно, что это и принималось как чудесная сказка, но были многие, относившиеся ко всему рассказываемому с полным доверием, как к реальной действительности.

Объезжали, конечно, не все юрты с краю, а с известным выбором. Дело в том, что не всякий умеет толково отвечать на вопросы, а тем более связно рассказывать о чем-нибудь. Нередко встречаются туземцы, которые не умеют толково сказать что-нибудь о вещах, самых обыденных для них и хорошо известных. И даже не в тупости их дело; бывает это с и не глупыми совсем от природы. Многим просто непонятно, как можно не знать обыкновенных, всем известных вещей и зачем-то расспрашивать. Попытка узнать что-нибудь толково у таких субъектов — убитое в большинстве непроизводительно время. И, имея в распоряжении своем и времени и средств в обрез, я не мог тратить их непроизводительно и всегда старался поэтому собрать предварительно кой-какие сведения о жителях подлежавшего объезду района, выбирая и намечая из них более толковых и сведущих лиц, преимущественно старых, к которым и направлял потом свой путь, заезжая в первое встречное жилье лишь для простого ознакомления и осмотра. Попадая в места, где имелось по нескольку жилищ в одном месте, я обходил их, правда, все, присматриваясь и беседуя с их обитателями, но рабочей базой выбирал всегда одно из них, намеченное заранее. Конечно, часть жилищ, где около трети, а где и больше, особенно в стороне от моей дороги, оставалась при этом совсем непосещенной. Но зато там, где мне представлялась возможность особо продуктивной работы, делались дневки, с проведением лишнего дня, а то и двух. Такой темп работы и порядок объезда сохранялись неизменно до самого конца этой поездки.

ЭР01003

Сверх посещенных частично в экскурс предшествующего года речек Джюды и Апки, со включением их же, в первый объезд этого года были охвачены еще районы речек Хатыргана, Джакымджи, Эльгяи, Бериги и нескольких аласов, притом с большим охватом населения, чем в ту поездку.

Маршрут, составивший туда и обратно километров 280, с небольшим лишь совпадением дороги на обратном пути, почти целиком лежал по территории 2-го Эжанского наслега, до его южной границы, с прихватом лишь нескольких якутских хозяйств по речке Бериги, вне пределов наслега. Вся поездка прошла исключительно по левому берегу Алдана, километрах в 10—30 от реки (кроме Эльгяи, у берега реки), где разбросалось все население, группируясь в большинстве по 2—3 жилья вместе. Правый берег Алдана, с близко подходящими к нему тут горами, без лугов и полей, сильно болотистый, мало удобен для обитания, почему там живут лишь два-три хозяйства.

Вернувшись 9/III из этой поездки, я опять-таки не стал задерживаться в Петропавловском. Дав лишь несколько дней передохнуть лошадям, покончив с необходимой корреспонденцией и вновь перепаковавшись и забрав оставленную тут часть нашего груза, 13/III мы двинулись уже в новую поездку, на этот раз вниз по Алдану, в объезд 1-го Эжанского и Кюпского наслегов. Однако, в ближайшем к Петропавловскому с. Усть-Майском пришлось задержаться немного. Там помещался улусный исполком тунгусов, члены которого лучше чем кто бы то ни было знают, конечно, дела своих наслегов, и мне существенно важно было получить от них разные сведения по программе своих вопросов, а также нужные справки, полезные для дальнейшей работы. Почти полных 3 дня провел я тут в беспрерывных беседах и записях. Между прочим, здесь догнала меня пачка писем, гнавшаяся за мной по Охотску, Якутску и другим местам, и между ними одно письмо из Америки, шедшее еще с декабря 1926 г.

16/III мы выехали из с. Усть-Майского и двинулись вниз по Алдану, держась пока все того же левого берега. Однако, проехав всего лишь каких-нибудь 8 *км* и переночевав у объякутевшего совсем и ведущего местный, тунгусский образ жизни русского, с тунгусской же семьей, при озере со странным для этого района названием „Этерия“, на другой день переехали на правый берег Алдана, где и лежал потом долгое время наш дальнейший путь. Здесь, в районе этой нижней стрелки Алдана с Маей, береговые Алдано-Майские горы отходят далеко в сторону, образуя обширную лесную равнину, с массой озер и с покосными лугами и небольшими сухими релками, в то время как все пространство внутри образуемой тут Алданом дуги, по левому берегу, представляет сплошь гористый, неудобный для заселения, район. Все население

ЭР01003

поэтому обитает здесь исключительно по правому берегу реки, где и приходилось нам ехать теперь.

Переправившись на правый берег Алдана и заехав днем часа на три в уроч. Иги, километрах в 9 от оз. Этерия, еще километров через 14 достигли к вечеру другого урочища, Кюбяи. Оба урочища эти, с значительными озерами и покосами, сравнительно густо населены тунгусами 2-го и 1-го Эжанского наслегов и оба считаются границей между ними. Второэжанцы склонны считать своей границей более дальний от них Кюбяи, а первоэжанцы считают за таковую, конечно, Иги. Живут же в обоих урочищах представители обоих наслегов смешанно, сидя каждый в добром согласии с соседями, на своих давно занятых угодьях, без каких-нибудь особенных раздоров, и споров, и вопрос о границе между двумя наслегами является, в сущности, старым, принципиальным спором между родовыми управлениями. Миновав на другой день Кюбяи, дальше мы ехали уже по бесспорным владениям тунгусов 1-го Эжанского наслега.

Поездка по этому наслегу, продолжавшаяся до 30/III и составившая маршрут около 125 *км*, была наиболее интересной и производительной в смысле работы. Население тут живет сравнительно скученно. Переходы в большинстве случаев были очень небольшие, в 5—10 *км* (редко лишь до 20 *км*), требовавшие небольшой затраты времени, почему почти все время шло на производительную работу. При этом в Первоэжанцах встретилось больше чем где-нибудь бывалых и толковых стариков, для использования которых приходилось делать сравнительно частые дневки. На последних удавалось слышать и записывать наиболее интересные материалы и данные. Так, на острове Чимадай, у одного старого известного охотника удалось записать целый ряд очень интересных охотничьих алгысов (благопожеланий). В другом месте, в урочище Джагдакан, на берегу Алдана, молодой еще хозяин дома, работавший тут у него временно кузнец и один ночевавший проездом старик до двух с лишком часов ночи занимали меня разными рассказами и сообщениями из области порядков, обычаев и суеверий, связанных со звериным промыслом и кузнечным делом. На оз. Сянгнякя также продуктивно удалось проработать с двумя интереснейшими стариками — охотником и рыбаком; беседа тут шла преимущественно о рыбном и зверином промысле и разных хозяйственных работах. Но помимо всего интересен был очень и сам по себе один из собеседников, старик Софрон. Это единственный в своем роде, знаменитый во всем улусе бывший медвежатник, убивший на своем веку 148 медведей. Ему незадолго до нас стукнуло ровно сто лет, но он все еще бодрый, возится по дому с разными мелкими работами и выделывает между прочим ножом деревянные трубки для табака, которые у него неизменно кто-нибудь выманивает

ЭР01003

безвозмездно. Старик до сих пор еще продолжает заниматься разным мелким промыслом; так, он все лето рыбачит, кормя этим всю семью, а в конце осени и начале весны уходит на лыжах, таща за собой салазки со своим промысловым скарбом, на р. Аллах, километров за тридцать от дому, где недели по три добывает плашками зайцев, ночуя на снегу, у костра, под открытым небом, и набивая по нескольку десятков зайцев (а осенью еще и ловит рыбу сетями, подо льдом), за которыми потом едут уже на лошадях. На другой день после нашего приезда он как-раз отправлялся на этот свой промысел, и, проезжая через несколько дней через р. Аллах, мы видели там след его лыж и салазок, направлявшийся вверх по реке.

Отмечу еще одну остановку на так называемой „Горе Хардагаччи", представляющей небольшую лесистую релку, на каких-нибудь 2—4 *м* высящуюся над окружающей низменной равниной. Здесь, среди нескольких, разбросавшихся кругом в километре-другом жилищ тунгусов, обосновалось в таком же тунгусском жилье торговое агентство Петропавловской фактории Сибгосторга, где постоянно толпился разнообразный народ, приезжающий за теми или иными покупками иногда за несколько десятков километров. Посидеть тут дня 2—3, толкуя с приезжими и собирая у них разные сведения, было не бесполезно. Просидели мы здесь дня $2^1/_2$. Из них один день чуть ли не целиком я потратил на поездку на Алдан, где присутствовал при осмотре поставленных коллективно четырьмя хозяйствами десятка сетей, протянутых подо льдом поперек главной протоки реки, для лова осетров и стерлядей; улов оказался ничтожным, но техника лова зато стала для меня вполне ясной. Часть другого дня была употреблена мной на объезд 2—3 соседних жилищ тунгусов, в одном из которых я видел, между прочим, оборудование и работу кочующей от одних хозяев к другим тунгусской кузницы. В работе самого торгового агентства наблюдалась обычная ненормальность. Дело в том, что километрах в пяти от него имелось другое такое же агентство, поменьше еще только, но уже от Кюпской фактории Якутторга. Разумеется, между двумя агентствами этими шла обычная нездоровая конкуренция, с переманиванием друг от друга покупателей — охотников пушников.

Последним посещенным мной в Первоэжанцах районом была речка Кюндя, впадающая в Алдан справа, чуть повыше и параллельно р. Аллаху. Крошечная речка эта протекает по обширной, почти десятка в два километров в длину, частью болотистой луговине, с рядом мелких озер, отделенной от близкого Аллаха узенькой лесистой гривой, отходящей от Алдано-Аллахских береговых гор и сходящей на нет, по мере подхода к Алдану. Обращенные к речке Кюндя склоны этой гривки безлесны, довольно живописны и сравнительно удобны для жилья и

ЭР01003

крошечных пашен. Естественно поэтому, что открытые склоны этой гривы, известной под названием горы Салгаччи, оказываются и наиболее густо заселенным районом наслега, где на протяжении 6—8 *км* разбросалось до десятка хозяйств. Здесь же, в двух местных тунгусских жилищах, отстоящих на полкилометра друг от друга, поместилась и четырехгрупповая школа (открыты были пока первые три группы), с двумя учителями из якутов и десятками тремя-четырьмя учащейся детворы и молодежи. Само собой разумеется, что в этом районе также пришлось сделать дневку, уже последнюю в Первоэжанском наслеге.

30/III, переехав р. Аллах, мы перебрались уже в пределы Кюпского наслега, последнего и самого северного в Алдано-Майском улусе. Здесь, на этой нижней стрелке Алдана с Аллахом, береговые Алдано-Аллахские горы также отходят несколько в сторону, образуя, как и в Первоэжанцах, лесную равнину, с вкрапленными в нее кочкарными лугами и озерами. Но отход гор здесь уже недалек, и очень скоро они вплотную подходят опять к Алдану. В связи с этим, на образуемой тут равнинке обитает лишь незначительная часть кюпцев. Несравненно же большая часть наслега обитает снова по левому берегу Алдана, где, с концом образуемой им тут дуги, вновь появляются сравнительно удобные для обитания места с лугами, озерами и сухими сосновыми, лиственничными и лиственными гривками, не заливаемыми и в большую воду. Задерживаться поэтому на правом берегу Алдана нам не приходилось, и, продневав там 31/III у одного толкового и сведущего старика, близ озера Оюн-Кёля (Шаманское озеро), где между прочим также работал приезжий кузнец, 1/IV вновь перебрались через разливавшийся тут (после Маи и Аллаха) местами в островах километров на пять Алдан на левый берег, где и ехали потом весь остальной путь до Нотары.

Население здесь также было сравнительно скучено на небольшом пространстве, почему двигаться нам приходилось с той же минимальной затратой времени на самые разъезды. Условия для работы были такие же благоприятные, как и в Первоэжанцах, с таким же достаточным количеством пожилых и старых, толковых и знающих людей. При другом темпе движения здесь можно было бы довольно долго и очень продуктивно работать. Но весна делала свое дело. Яркое солнце уже сильно грело, заставив меня уже почти с устья Маи расстаться с теплой кухлянкой и ехать в легкой куртке. Днями таяло, местами образовывались лужи и проталины. На лугах и болотах обнажалось постоянно все больше и больше головок кочек. Засиживаться долго не приходилось, поэтому, чтобы не быть захваченным распутицей и не засесть где-нибудь на обратном пути к Якутску. Надо было поторапливаться.

В Первоэжанцах и Кюпцах я уже не гнался за объездом большинства хозяйств, ограничиваясь заездами лишь в заранее намеченные хо-

ЭР01003

зяйства, где можно было рассчитывать получить наибольшее количество сведений с наименьшей затратой времени на непроизводительные разговоры и разъяснения.

Невысокая лесистая береговая терраса здесь была значительно уже, чем выше по Алдану, и население все обитало или по берегу, или невдалеке от него. Дорога наша поэтому лежала тут также близ реки, а где и по ее льду. Заезжая, как я сказал уже, только в некоторые намеченные хозяйства, мы побывали тут в урочищах — Сюдяи-Кытыла, Джякямдзя, Салгаччи Кёля, Тынкына, Куорат Кытыла и Усун Кель. Объезд этот занял 5 дней. 5/IV мы выехали уже в обширную луговину устья речки Нотары, раскинувшуюся во всю ширину ее долины. Влево от нашего пути стлалась километров на 10 — 15 в длину, вверх по Нотаре, и километров на 6 — 7 в ширину эта, покрытая еще пеленой снегов луговина, усеянная небольшими озерами, а справа за островами Алдана четко вырисовывались начавшие показываться еще за Аллахом снежные вершины гольцов, не встречавшихся нигде до этого по Алдану. С левой стороны обширной луговины Нотары в Алдан уперлась значительная лесистая гряда ее береговых гор, с обращенными к долине открытыми склонами. Здесь повторялась картина горы Салгаччи, по речке Кюндя, но в увеличенном масштабе.

В конце прошлого столетия на этой луговине, отобранной от тунгусов в казну, поселено было правительством около 70 семей духоборов, обосновавшихся на высящейся над ней горе, в одной обширной казарме. Лет шесть, говорят тунгусы, жили они тут, занимаясь скотоводством и хлебопашеством, но потом выселились оттуда, не сумев приспособиться к местным условиям. Дело в том, что единственный по обширности во всем пройденном мной по Алдану районе, луг этот, могущий прокормить значительное количество скота, часто затопляется большими разливами Алдана (раз же в 20 — 25 лет, по словам тунгусов, вода поднимается метров на 14 над обычным уровнем реки); хлеба же, сеянные на сухих возвышенных местах луговины или на расчистках на горе, часто вымерзают от ранних заморозков. С уходом духоборов земля тут еще долгое время продолжала оставаться казенной, и только революция вернула ее вновь ее прежним владельцам — тунгусам.

В настоящее время устье Нотары — наиболее населенный район во всем Кюпском наслеге. В наш проезд там имелись 14 тунгусских жилищ, где обитало не менее 20 — 25 хозяйств. Жилищ десять из них разбросались, где группами, где одиночками, высоко над луговиной, по живописным склонам горы, близ опушки леса, а 4 жилья были на островах. Вместе с тем, здесь был конец обитания алдано-майских тунгусов. Северная граница крайнего Кюпского наслега лежит, правда,

ЭР01003

километров на 60 — 65 еще ниже по Алдану, у устья правого притока ее — речки Кярби. Но ниже устья Нотары никто уже не живет; иногда только ездят кюпцы в эту часть своих владений для косьбы сена или рыбной ловли, да по зимам ходят туда на пушной и звериный промысел.

В этом последнем и наиболее скученном районе я проработал еще дня четыре, объехав несколько жилищ, продневав в одном из них и заключив тут цикл намеченных мной вопросов. Можно было бы пробыть здесь еще некоторое время — работы, конечно, нашлось бы достаточно. Но начиналось интенсивное таяние, а впереди у меня была р. Лена, которую надо было проехать, пока не залило ее водой, чтобы не быть задержанным у ней потом на долгое время вскрытием и разливом. Надо было спешить, и, покончив 9/IV с работой в последнем тунгусском жилье, мы тронулись в обратный путь, вверх по речке Нотаре, на соединение с Амгинско-Петропавловским трактом. И было, оказывается, как-раз время для этого. Пробыв немного в Амге для перемены возчика и переснаряжения к поездке уже по распутице, я только-только успел переехать 26/IV одним из последних р. Лену у Якутска, уже залитую частично водой.

Поездка к алдано-майским тунгусам, таким образом, была закончена. За краткий срок были объезжены 3 нижних наслега — Кюпский, 1-й Эжанский и 2-й Эжанский и часть небольшого, вдавшегося в Алдано-Майский улус, якутского клина. Первоначально мной предполагалось объехать и два верхних наслега улуса — 3-й Эжанский и Бытальский, расположенные по Алдану, между 2-м Эжанским наслегом и устьем р. Учура. Особенно интересным представлялся мне самый дальний Бытальский наслег, близ устья Учура, соприкасающийся немного с бродячими тунгусами Учурского района. Но значительное запоздание с началом работ и дороговизна разъездов не дали мне этой возможности, тем более что между 2-м и 3-м Эжанскими наслегами оказался в мой проезд почти бездорожный и совершенно безлюдный, разрыв километров около 100, везти через который охотников было трудно найти. Пришлось довольствоваться поэтому сообщениями об этих наслегах тунгусов объезженных мною наслегов, да данными переписи, рисующими в общем жизнь, совершенно аналогичную виденной мною в трех нижних наслегах.

В результате этой поездки, вместе с данными переписи выяснилось, что всего в 5 наслегах Алдано-Майского улуса имеется 1612 душ тунгусов обоего пола и всех возрастов. Все население это—объякутевшее совершенно, утратившее свой язык и усвоившее себе якутский язык, верования, скотоводческо-хозяйственный образ жизни и пр. Но по своим национальным чертам, характеру, нравам, некоторым обычаям и про-

ЭР01003

мыслам оно тем не менее сильно разнится от якутов; тунгусы в этом смысле и остались тунгусами, какими были когда-то. Открытый, прямой нрав, гостеприимство, относительная честность, доверчивость, жизнерадостность, со своеобразным соблюдением собственного достоинства, резко отличают их от якутов.

Обитают все тунгусы в якутских балаганах или домах-срубах, причем больше последних, чем первых. Обстановка внутри жилищ тоже якутская, но содержится она сравнительно чище, чем у соседей якутов равного благосостояния. Поражающие своим неряшеством и грязью жилища редки. Что бросается в глаза — это идущее весьма интенсивно теперь отделение жилищ от хотонов (скотников). Большинство жилищ теперь уже без хотонов, построенных совершенно отдельно. При этом чем ниже спускаешься по Алдану, тем реже встречаются юрты с хотонами. В самом нижнем же, Кюпском наслеге жилищ, не отделенных еще от хотонов, осталось уже не больше полдесятка. Надо сказать вообще, что по мере движения вниз по Алдану замечаются постепенное улучшение жилищ и общий рост благосостояния. В Первоэжанцах и Кюпцах не мало уже домов, прекрасно построенных в немецкий угол, с тесовыми крышами и большими светлыми окнами, которые встречаются выше как редкость. Посуда везде почти исключительно русская, с употреблением еще лишь кой-какой берестяной и деревянной якутской, причем у низовых тунгусов и посуда эта, и инструментарий и употребительнее, и разнообразнее. В Кюпцах и Первоэжанцах имеются уже 2 — 3 мукомольных конных мельницы и несколько веялок, чего нет совсем у верхних тунгусов, равно как нередки тут плуги и сепараторы, только-что начинающие прививаться вверху.

Основой существования алданцев являются два источника—пушной и звериный промысел с незначительным рыболовством с одной стороны и скотоводство и вообще небольшое сельское хозяйство—с другой. Который из этих двух источников превалирует — сказать трудно. Вероятнее всего, что в зависимости от наличия работников в семье и других условий в разных семьях доминирующим является тот или другой источник. Но и тот, и другой источники кормят, можно сказать, лишь при чрезвычайной затрате и сил, и энергии. Единственный корм скота—сено—заготавливается с большим трудом. Покосные места очень плохи, сплошные болотные кочкарники, к тому же затапливаемые частыми наводнениями; травы также самые малопитательные, так как состоят в большинстве из болотной осоки и метелок, часто столь буйного роста, что стебель их тверд как тростник, и скот объедает лишь верхушки и листья. Скот мелкий и маломолочный; по уверениям тунгусов, молочность его вдвое ниже даже против якутского скота. Жалкие посевы хлеба производятся исключительно на лесных расчистках, на первой террасе Алдана. Но

ЭР01003

пашни плохи; через 5—6 лет, в силу таяния почвенного льда, большинство их начинает проваливаться ямами и рытвинами, становясь не годными к пользованию. В результате приходится все время заниматься тяжелой, примитивной корчевкой леса, готовя себе новые пашни. Огородничество пока развито слабо. Таковы условия для сельского хозяйства тунгусов.

Что же касается пушного и звериного промысла, то это один из наиболее тяжелых видов труда, насколько я знаю. Достаточно сказать, что на беличьем промысле охотник настолько изматывается за день ходьбы, что часто падает в изнеможении на снег, прежде чем дойти вечером до своего табора. Если прибавить к этому, что в пору весеннего промысла он должен тащить еще на себе салазки, с грузом до 70—100 *кг*, взбираясь с этим на лыжах и на горные кручи, то не трудно представить себе, я думаю, какой это труд. А к этому бывают еще годы, когда в лесах мало зверя и чуть не полугодовой труд охотника едва окупает расход.

Такова суровая действительность тунгусского существования. В результате же всего этого большинство тунгусов живет бедно, перебиваясь, что называется, из кулька в рогожку. И только в немногих хозяйствах можно видеть относительные довольство и достаток. Но при всей этой бедности жизнь алданского полуоседлого тунгуса все же несравненно благополучнее, конечно, чем жизнь его бродячих собратьев. У алданцев не бывает голода, периодически повторяющегося у многих бродячих. Даже в самое трудное, весеннее время у них всегда найдется хоть немного муки на лепешки и какие-нибудь молочные продукты, а у многих можно найти и немного остатков мяса и масла. В обычное же время, летом, осенью и зимой, алданцы не сидят без муки, мяса и масла, а нередко имеют даже запасы рыбы. У мало-мальски зажиточных же часто стряпаются оладьи, подается к чаю с лепешками масло, а к вечеру варятся обязательно большие куски мяса или рыбы для каждого. Вообще надо сказать, что тунгусы не любят отказывать себе в еде.

Но при всех указанных трудностях естественных условий существования тунгусов надо сказать, что у них не замечается признаков вырождения или вымирания, по крайней мере в объезженных мной районах. Они мало устойчивы, правда, в своей самобытности и легко ассимилируются с более сильными, чем они, соседями. Но это не есть вымирание. Данные произведенного мной опроса многих женщин как среди бродячих, так и оседлых тунгусок, о количествах рожденных ими детей и числе умиравших из них приводят к заключению, что имеется налицо определенное превышение рождаемости над смертностью. Из данных переписи также явствует как-будто некоторая прибыль населения по

ЭР01003

сравнению с данными переписи 1897 г. По данным этим в 1897 г. их числилось, напр., по Алдано-Майскому улусу всего 1269 душ, что дает за истекшие 30 лет прибыль их в 343 человека. Прирост небольшой, правда, но несомненный, а для тунгусов даже очень приличный. Я не касаюсь пока совсем сличения данных двух переписей по бродячим тунгусам, где вопрос усложняется уходом очень многих хозяйств в пору гражданской войны в другие районы, выявление чего довольно сложно и вышло бы далеко из рамок короткого предварительного отчета. Но результаты того же опроса женщин о рождаемости и смертности дают как-будто основания думать, что и там должен иметь место некоторый прирост населения, а не убыль.

VIII

Как нетрудно видеть из всего предшествующего изложения, современная жизнь тунгусов, как бродячих, так и полуоседлых, протекает в тяжелых и трудных условиях. Неблагоприятны природные физико-географические данные. Не блестяще и административно-хозяйственное и культурное устроение их. Однако, в факторах ни первого, ни второго порядка нет ничего такого, что являло бы собой непреоборимую преграду на пути возможного улучшения положения тунгусов. Наличие хоть и небольшого естественного прироста при таких трудных условиях жизни свидетельствует о достаточной устойчивости и живучести народа, т. е. качеств, обеспечивающих возможность дальнейшего развития и роста. Конечно, предоставленные собственным силам, при данной стадии их культурно-экономического развития, они не скоро смогут стать твердо на ноги и поднять свое благосостояние. Необходимо, чтоб в этом отношении им была оказана всемерная помощь. Да и не так уж много требуется для этого. Нужно только устранить ненормальности, наблюдающиеся в области снабжения и административного устроения, помочь их культурному развитию и научить бороться с неблагоприятными природными условиями. Все это не так уж трудно.

Для улучшения положения тунгусов и нормального их развития представляется желательным, на мой взгляд, проведение в жизнь ряда мер, частью неотложных и быстро исполнимых, частью требующих некоторого времени для своего осуществления. К первоочередным и неотложным, легко осуществимым, надо отнести следующие.

1. Скорейшая конкретная помощь беднейшим туземцам скотом и оленями, в кредит, с рассрочкой платежа на 5 или 10 лет. На это собственно и средства отпущены. Нужно только наладить дело как следует. В Нельканском районе даже начата эта помощь, но, к сожалению, крайне неудачно. Пригнанный туда конный и рогатый скот, около

ЭР01003

100 голов, обошедшийся крайне дорого, был доставлен совсем изнуренным и в первую же зиму в значительной части подох. Закупленные же где-то в Оймяконском районе олени, около 800 голов, в течение года с лишком никак не могли дойти до места, причем количество гонимого стада уменьшилось, каким-то образом, по последним слухам, до 300 голов. Вся беда тут, надо думать, в недобросовестных контрагентах. Еще хуже в Охотском районе; там были обещаны ульинским тунгусам 500 оленей, но не приступал никто и к закупке их. А между тем дело это совсем небольшое и несложное. Не надо и ездить далеко за такими небольшими покупками; в указанных потребных количествах оленей можно купить, и дешевле при этом, у оленеводов по рекам Ине, Охоте и Юдоме. Нужно только поручить это добросовестным и толковым людям.

2. Упорядочение снабжения туземцев товаропродуктами и координирование операций торговых организаций. Ассортимент, количество и качество товаропродуктов, ввозимых в туземные районы, должны строго соответствовать спросу и потребностям. Недопустимы завоз, напр., партии печных вьюшек в места, где и печей-то никаких нет, или масла, прогоркшего совсем и смешанного с салом (а такие вещи имеют место), в то время как нет предметов насущной потребности. Пора положить конец и вредной конкуренции между различными организациями единой, в сущности, государственной торговли, вызывающей к жизни такие уродливые явления, как отмеченные выше операции „торговых экспедиций“ Дальгосторга и Охотсоюза в Охотском районе или практиковавшаяся разъездная агентура разных факторий в Алданском и Майском районах, где также трудно учесть и знать — по каким ценам торгуют в глуши тайги агенты и приказчики-одиночки. „Экспедиции“ и „агентура“ эти должны быть запрещены категорически. Тунгусы сами могут ездить с успехом за нужными товарами в ближайшие фактории. Там же, где нет таковых близко, можно открывать небольшие, но постоянные отделения их, легко контролируемые (такие если и надобны, то всего лишь в нескольких местах). На Алдане в этом смысле начинается, как-будто, оздоровление.

В последний проезд мой там работали лишь Якутторг и Сибгосторг, да и то предполагалось объединить их. Атмосфера конкуренции этим будет изжита, и станет лишней сама собой всякая разъездная агентура. Но если так на Алдане, то на Мае — напротив. Там имелось предположение Аянской фактории Дальгосторга ввезти свои товары в Нелькан и устье Аима, что вызовет несомненно конкуренцию между Дальгосторгом и Якутторгом, с неизбежным дискредитированием друг друга, переманиванием охотников и другими нежелательными явлениями. Это не должно быть допущено.

ЭР01003

3. Необходима всяческая поддержка и кооперативного дела в крае. В Нельканском районе пока совсем нет кооперации. В Аяне имеется отделение Охотосоюза, влачащее жалкое существование. В Охотске оперирует сравнительно крупная организация — Охотсоюз, но характер операций ее достаточно иллюстрируется ее „торговыми экспедициями". В Петропавловском имеется маленькое кредитное товарищество „Тутах", преобразованное из группы мелких охотничьих артелей. В уроч. Белькяча, близ устья р. Мили, на Алдане, имеется пара мелких охотничьих артелей. За исключением Охотсоюза, все это очень мелкие организации, с ничтожными оборотами и все разнотипные. Но все они, за исключением того же Охотсоюза, очень близко интересуют тунгусов, как свои организации. Вся беда в том, что у них нет ни знаний, ни опыта, ни подготовленных работников, чтоб развернуть работу этих ячеек более широко. Идея же туземной кооперации сама по себе несомненно жизненна и при соответствующей поддержке имеет все шансы на развитие. Представляется, только необходимым, на мой взгляд, создание объединенного вида кооперации, с превалирующим сельскохозяйственным уклоном, которая, не гоняясь за пушниной, могла бы снабжать население хотя бы простейшими пока сельскохозяйственными орудиями и машинами. Особенно необходимо ознакомление тунгусов с кочкорезами и другими машинами для превращения в приличные луга сплошных кочкарников их покосов; в этом отношении твердо поставленная на ноги сельскохозяйственная кооперация могла бы принести большую пользу. Представляется целесообразным открытие в более или менее людных пунктах по маленькому отделению или агентству этого тунгусского кооператива, с центрами их в Нелькане, Аяне, Охотске и селении Усть-Майском.

4. Особенно острым является вопрос о кредитах. Очень многие тунгусы закредитовались совсем и запутались в долгах. Местами имеет место частичное насчитывание погашенных долгов. Продолжаться так дальше не может, конечно. С безмерным кредитованием должно быть покончено. Но отказаться совершенно и сразу от какого бы то ни было кредитования, как это мыслят иные, думается, также нельзя. Это значило бы просто удариться в другую крайность. Кредитовать тунгуса-охотника придется пока несомненно, ограничив до минимума этот кредит отпуском необходимого снабжения для промысла. Кредит этот должен погашаться немедленно по возвращении охотника с промысла, с постепенным частичным погашением при этом и старой задолженности. Само собой разумеется, что последняя должна быть точно установлена, во избежание возможных повторных взысканий уже погашенных долгов. Кредитование же должно продолжаться в этой мере до погашения всех долгов, когда у тунгусов должен будет начать получаться некоторый остаток от платежей, для покупок уже за наличный расчет.

ЭР01003

5. Необходимо непременное урегулирование звериного и пушного промыслов в сторону запрещения выбивания молодняка и, вообще, невыходного зверя, с проведением этой меры под страхом строгой ответственности, по линии пушнозаготовительных органов, путем запрета приемки не стандартной пушнины.

В погоне за прибылью торговые организации принимают с пониженной расценкой и недошедшие шкурки, что естественно ведет к охоте и на молодняка, и на беременных самок, а через это и к выбиванию зверя. И это повсеместно. У алданских же тунгусов в последние годы возник еще новый фактор, ведущий к этому выбиванию зверя, не говоря уже о вносимой розни между охотниками. Уже года три как охотники первоэжанцев и кюпцев, партией человек в 20—30, забираются спозаранку на зимний промысел белки в районы охоты второэжанцев, перебивая у них из-под носа пушного зверя. Отчасти из нежелания бить еще недошедшую, невыходную белку, отчасти в силу меньшей экономической мощности (за недостатком лошадей, с которыми идут на первый промысел) — второэжанцы выходят на промысел этот позже и, конечно, идут уже по очищенным конкурентами местам. Последние же, поохотившись зимой на чужой территории, весной идут уже в свои районы, не выбитые зимней охотой. УИК, состоящий из представителей нижних наслегов, не принимает, конечно, ничего к урегулированию этого вопроса, ссылаясь на разрешение новыми законами повсеместной охоты. Все это должно быть урегулировано.

6. Необходимо обратить самое серьезное внимание на дело медицинской помощи. Мною уже говорилось о состоянии имеющихся в Петропавловском, Нелькане и Аяне амбулаторно-фельдшерских пунктов. Помощь от них, часто к тому же остающихся и без медикаментов, весьма слаба, конечно. Никакого объезда наслегов и районов с медицинской помощью никем не производится. Нужда же в ней очень большая. Много страдающих разными болезнями, особенно кишечно-желудочными, глистами, простудными. Масса женщин с разными женскими болезнями в результате полного отсутствия акушерской помощи при родоразрешении. Жалуются, напр., алданские тунгусы, между прочим, что много лет уже не производилось у них совсем прививки оспы; ездили несколько лет назад в нижние наслеги, там есть фельдшер для оспопрививания, но у него не то замерз, не то испортился детрит, и так из этого дела ничего не вышло тогда, а позже попытка не повторялась. Является совершенно необходимым поэтому устройство в Петропавловском, Нелькане и Аяне по постоянной больничке хотя бы на 5 коек для стационарного лечения привозимых больных, с одним разъездным фельдшером при каждой для помощи на местах, который для начала произвел бы немедленную прививку всем оспы. Совершенно необходимо также назначение в каждый из таких

ЭР01003

районов хотя бы по одной постоянной акушерке-фельдшерице, которая могла бы объезжать по вызовам своих больных по наслегам. Само собой разумеется, что этот медицинский персонал должен по возможности, не в ущерб, конечно, своему прямому делу, всячески пропагандировать в массах, если можно с кинодемонстрацией, хотя бы простейшие правила и требования санитарии и гигиены. Кстати о фильмах. Демонстрируемые в туземных районах заезжими работниками фильмы из чуждого русского быта мало убедительны для туземцев. Чрезвычайно желательны съемки и демонстрации картин, хотя бы просто диапозитивов, из быта самих туземцев или по крайней мере родственного типа, что будет для них наглядно и убедительно.

7. Еще хуже дело с ветеринарной помощью. Ее попросту вовсе нет. Не только врача, но и фельдшера ветеринарного не только нет совсем в районах, но не бывает его никогда и наездом. А между тем случаи разных заболеваний скота и оленей далеко не единичны. Копытница, понос и пр.—частые гостьи оленьих стад. Если же случается какая-нибудь эпизоотия, то она принимает всегда характер настоящего бедствия не только в оленном, но и скотоводческом хозяйстве. Так, свирепствовавшая 3 года подряд (1913—1915 гг.) в Алдано-Майском улусе сибирская язва уничтожила почти поголовно весь рогатый и конный скот в трех средних наслегах, задев значительно и два крайних; были нередки случаи, когда владевшие двумя-тремя десятками голов остались после этой эпизоотии всего лишь с 2—3 головами, а то и без них. И если есть уже сейчас в этих наслегах опять небольшое скотоводство, то это результат новой разводки от скота, купленного потом от якутов. Отсюда необходимо само собой открытие в тех же трех пунктах, а также в Охотске, соответственно оборудованных ветеринарных пунктов, пока что хотя бы с достаточно подготовленными фельдшерами в качестве заведующих ими. Фельдшера эти сами должны объезжать свой улус и следить за благополучием этой отрасли хозяйства. Конечно и этим работникам нужно вменить в обязанность, чтобы они внушали туземцам, что и в каких случаях надо делать и необходимость при всех подозрительных случаях немедленного обращения к ним.

8. Больным вопросом является школьный вопрос, и я вынужден остановиться на нем немного подробнее. Мною обрисовывалось уже вкратце, в соответствующих местах настоящего отчета, положение школьного дела в Нелькане, Аяне и Охотске. Относительно сносно оно в Аяне, слабо в Нелькане (нет интерната) и худо в Охотске, где в тунгусских районах вовсе нет школы. Но кроме неблагополучия неожиданно сложным оказался, благодаря возникающим спорам, школьный вопрос в полуоседлом Алдано-Майском улусе, где при относительной скученности населения, казалось бы, он должен был разрешаться наиболее просто. Дело в следующем.

ЭР01003

При старом строе вообще не было никакой школы во всем улусе. Для тунгусов это считалось, надо думать, излишней роскошью. Новый строй отнесся к делу иначе и дал им пока две школы. Имеются — одна двухгрупповая школа во 2-м Эжанском наслеге и одна четырехгрупповая школа в 1-м Эжанском наслеге. Предполагается, что первая должна обслуживать 2-й и 3-й Эжанский, а вторая — 1-й Эжанский и Кюпский наслеги. В действительности же ими обслуживаются только наслеги, где они расположены, да и то лишь частично. Первая из них стоит на самой южной границе далеко разбросавшегося, людного наслега, почему учатся там дети только ближайшего района. Со всей остальной части наслега, равно как и с расположенного выше по Алдану 3-го Эжанского наслега, детей не дают в эту школу, как из-за дальности, так и за отсутствием при ней интерната. Внутри же самого 2-го Эжанского наслега идет непрерывная распря между северянами и южанами — первые тянут школу к себе, вторые не отпускают ее от себя. Еще сложнее обстоит дело со второй школой — первоэжанской. В своей обитаемой части 1-й Эжанский и Кюпский наслеги тянутся узкой лентой по Алдану километров по 65 каждый. Школа находится приблизительно посредине 1-го Эжанского наслега, отрезанная весной и осенью от кюпцев реками Алданом и Аллахом. В силу этого кюпцы не везут своих детей в школу, также не имеющую интерната. В последнее время распространился неизвестно на чем основанный слух, что НКПЗ отказался совсем от двухгруппового типа школ и предлагает построить одну общую для двух наслегов 4-групповую школу. В результате, в последних числах марта 1928 г. при школе состоялось собрание представителей 1-го Эжанского наслега с двумя кюпцами (членами школьного совета, но не уполномоченными наслегом), постановившее разверстку и доставку двумя наслегами бревен для постройки зданий 4-групповой школы, километров на 10 — 15 еще выше по Алдану, т. е. дальше от кюпцев. (Надо кстати сказать, что место, намеченное для постройки, рядом с агентством Сибгосторга, совершенно негодное для школы — маленькая лесная гривка, без открытой площади, кроме маленькой расчистки, окруженная озерами и болотами, в стороне от реки, превращающаяся в половодье в крошечный островок). Кюпцы были в большом недоумении и не знали — отказаться ли совсем от участия в этой постройке или подчиниться, несмотря на то, что в крайнем случае, если нельзя иметь свою школу (а они готовы сами доставить для такой школы потребный лес), большинству их будет ближе возить детей своих прямиком, через гору, на пересечку излучины Алдана, в с. Петропавловское.

Говоря о школьном деле вообще у тунгусов, надо сказать, что есть в нем дефекты и иного порядка. Так, при школах, как я говорил уже, нет интернатов (кроме Аянской), и детвора вынуждена ютиться,

ЭР01003

набиваясь сверх меры, или по знакомым, в соседстве со школой, или в каком-нибудь пустом доме, при школе, на своем иждивении. Ведомством просвещения Якутской АССР на 1927—1928 учебный год было отпущено средств на содержание 21 интерната при туземных школах, по расчету на 20 человек в каждом. Но Якутское Окроно распределило по-своему, отпустив на две алданских школы средства на 10 человек, вместо 40, и что-то в этом же роде на Нелькан. Правда, после усиленных хлопот и обращений через Обком и НКПЗ, Окроно обещало на второе полугодие удвоить эту норму. Но сомнительно, чтоб обещание это могло быть выполнено по состоявшемся уже разассигновании средств.

Вряд ли целесообразна и принятая в туземных школах (кроме Аянской опять-таки, не подведомственной Якутской АССР) система обучения детей в первый год лишь якутскому письму и чтению, с обучением их русскому языку и письму только со второго года. В результате, кончив не только две, но и три группы, дети не умеют хотя бы сколько-нибудь сносно читать, писать и говорить по-русски.

Все это чрезвычайно тормозит и вредит делу просвещения тунгусов. А между тем тяга к учению у них очень большая, какой мне никогда не приходилось встречать среди туземцев вообще. Еще в первую поездку в Нелькане я встретил несколько человек молодых тунгусов, по своей инициативе начавших учиться у местного учителя. У р. Челасина в одном чуме видел пожилого тунгуса, самостоятельно одолевавшего якутскую азбуку с показом ему кем-то лишь букв. В Первоэжанцах же и Кюпцах, по Алдану, мне пришлось натолкнуться на явление, выходящее совсем из ряда вон. Там оказалось, напр., совсем мало неграмотных вовсе мужчин, особенно в Кюпцах, где лишь десяток какой-нибудь, да и то стариков, не умеет читать даже по-якутски; многие читают газету на якутском языке, иные даже выписывают ее, а некоторые читают и пишут немного даже по-русски. Теперь учатся понемногу и женщины. По расспросам моим — как это случилось, выяснилось следующее. Лет около 30 назад один кюпский тунгус Апросимов немного научился в приходской школе в с. Усть-Майском русской грамоте. После, когда он через несколько лет вернулся к себе в наслег, грамотность его вызвала зависть, и сверстники его начали просить, чтоб он научил и их. Началась учеба. А учились так: во время белкового промысла, каждому на дощечке писалась одна буква. Охотник надевал это на шнурке себе на шею и должен был за день погони за белкой выучить эту букву. Так за промыслом выучивалась азбука. Но до появления якутского письма дело шло сравнительно туго; с якутской же азбукой оно пошло уже быстро. И так обстоит не только со взрослыми. Та же тяга и в детях. Я видел шестилетних малышей, горько плакавших оттого, что их не пускают с другими ребятами в школу. При такой общей тяге к учению

ЭР01003

дать тунгусам грамотность — дело нетрудное, если бы не явно хромающая постановка самого дела.

Из всего сказанного следует, что школьное дело там надо строить, видимо, на каких-то иных основаниях. Целесообразнее было бы, думается мне, иметь по одной 4-групповой школе в Нелькане, Аяне и Аллахе и по 2-групповой школе в пос. Арке и в устьях рек Ульи и Ини, в Охотском районе, в Бытальском, 2-м и 1-м Эжанском и Кюпском наслегах Алдано-Майского улуса (о 3-м Эжанском наслеге речь ниже) и в устьи р. Аима, на р. Мае. Необходимы при этом две центральные 7-групповые школы — в Охотске и с. Петропавловском (или Усть-Майском), куда поступали бы дети из школ Арки, Ульи, Ини и Аяна — в первую и из всех остальных — во вторую. При этом при второй школе должно быть 2-групповое отделение для детей ближайшего района Алдана и хозяйств по Мае, слишком удаленных от остальных школ (в этом случае существующая второэжанская школа должна остаться на своем месте, являющемся одним из самых удобных по местоположению во всем улусе). При каждой школе необходим интернат на все количество учащихся, где дети, оторванные от своей среды, прочно усваивали бы новые, более культурные навыки и привычки для устройства потом своей жизни на новых началах. Чрезвычайно желательно также иметь при каждом интернате небольшое опытное хозяйство, где дети на практике усваивали бы хоть основные принципы рационального ведения хозяйства — животноводства, полеводства, земледелия и рыбного промсла. Необходима для этого, конечно, и соответствующая подготовка самих учителей школ — прохождением ими хотя бы краткосрочных практических курсов. Должно, наконец, в туземных школах Якутской АССР отказаться от узко националистической, якутизаторской политики, отрицаемой самими сознательными учителями даже из якутов.

9. Кардинально важным является направление в глухие, туземные районы на ответственные роли работников вдумчивых и тактичных, умеющих подойти к людям и заслужить их доверие и уважение, без чего невозможна там никакая продуктивная работа. Ладить с тунгусами нетрудно. При известной корректности в обращении, внимательности к их нуждам и полной объективности при решениях тех или иных вопросов, с ними всегда можно найти общий язык и притти к желательному соглашению. Они легко соглашаются со всякими разумными доводами, спокойно и толково изложенными. Некорректность же, вызывающий и пренебрежительный тон, начальственные замашки, а то и прямое глумление над тем, что они привыкли чтить, без чего можно вполне обойтись, но что, к сожалению, не редко имеет место — влекут за собой, естественно, известное недоверие и раздражение и вызывают подчас глухое или открытое сопротивление и против дельных и полезных по существу предложений и мер.

ЭР01003

10. Мною отмечалось уже в своем месте, что в Аяно-Охотский район ввозятся беспошлинно иностранные товары по значительному лицензионному списку. Правда, не все ввозимое нужно тунгусам, а кроме того, на многое из этого делаются слишком большие наценки. Но, тем не менее, кое-что из этих товаров все же значительно дешевле, чем в других тунгусских районах, снабжаемых из Якутска. Так обстоит дело, напр., с кирпичным чаем, американским листовым табаком и кой-какими тканями; чай в Аяне и Охотске стоил 1 руб. кирпич, а в Петропавловском районе доходил до 3—4 руб. Выше я говорил уже о необходимости запрета „торговых экспедиций", безобразно удорожающих товар при вывозе в тайгу. Здесь надо сказать о несуразности делания разницы между тунгусами приморскими и тунгусами алданскими и майскими. Нужно, чтобы доступное первым было одинаково доступно и вторым. Необходимо поэтому распространить район действия списка разрешенных к беспошлинному ввозу товаров и на остальные районы, примыкающие к приморскому, в частности на Алдано-Майский.

11. Прекращение существовавшей до войны возки чаев из Аяна в Нелькан, как нетрудно было заметить из предшествующего изложения, гибельно отразилось на хозяйстве всех аяно-нельканских тунгусов. Возрождение этой возки было бы существенным фактором и в поднятии хозяйства тунгусов. Вопрос этот собственно решен уже давно принципиально. Требовалось лишь определить окончательно направление проектировавшейся колесной дороги между Аяном и Нельканом. В настоящее время и это выяснено. Работами дорожно-изыскательской партии И. Ф. Молодых определено и окончательное направление — из бухты Эйкан, через Нелькан, в Ципанду, сотней километров ниже по Мае. Необходимо лишь, стало-быть, возможно скорее приступить к проведению этой дороги. Осуществление этого, особенно в связи с предшествующим пожеланием, будет иметь огромное значение не только для бродячих, но и для всех полуоседлых алдано-майских тунгусов, не говоря уже о значении его вообще для Якутии.

Но помощь тунгусам не должна ограничиваться этими мерами, направленными, в сущности, лишь против дефектов и недочетов нашей же человеческой, организующей деятельности, мерами, сравнительно легко осуществимыми. Необходимо помочь им и в приспособлении к неблагоприятствующим факторам культурно-исторического и естественного порядка, что будет, конечно, много труднее и, возможно, потребует не мало времени.

Настоятельно нужным, представляется мне, отметить в этом направлении следующие моменты:

1. Быстрое и бесперебойное претворение в жизнь всех приведенных выше пожеланий, особенно материальная помощь оленями и скотом,

ЭР01003

улучшит, несомненно, положение тунгусов и будет содействовать поднятию их благосостояния. Но в осуществлении этих мер не приходится видеть, конечно, панацею от всех бед. В отношении бродячих тунгусов можно с уверенностью сказать, что улучшение от всего этого у них будет несомненно, но не такое, конечно, чтоб не оставляло желать лучшего. Также несомненно, что поднятие оленеводства до желательного уровня — процесс длительный, и резких и быстрых эффектов тут ждать не приходится. А стало-быть, неизбежно сохранение на более или менее долгое время и значительного кадра малооленных и безоленных, со всеми вытекающими отсюда последствиями (неоткуда и не на что взять столько оленей, чтоб удовлетворить всех желающих). С другой стороны, не подлежит также сомнению факт постепенного падения и второй основы существования тунгуса — пушного промысла. Год от году зверь в тайге убывает, а некоторые виды его и совсем исчезают. И нет сомнения, что по мере вторжения в край торгово-промышленной деятельности процесс этот будет усиливаться. Все это заставляет задумываться над необходимостью подведения более устойчивой экономической базы в жизни туземцев. Такой базой для бродячих тунгусов мог бы явиться перевод хотя бы части их на оседлость, первый шаг к чему, собственно, сделан уже. Правительством отпущены уже хотя и небольшие, но специальные средства на помощь семьям, желающим сесть на землю. Необходимо только, чтобы средства эти попали в надлежащие руки, которые сумели бы, выявив потребность, осторожно и умело использовать их точно по назначению, не привлекая к участию любителей легкой наживы, мало интересующихся судьбой тунгусов. Необходимо также вести дело это весьма осмотрительно, без всяких нажимов и поспешности, чтобы не оттолкнуть вольных детей тайги от самой идеи перехода на оседлость. Полезны будут для этого дела и интернаты с опытно-показательными хозяйствами при школах, о чем я говорил выше. Необходимо, наконец, проведение пока хоть легких почвенно-ботанических обследований по всем значительным речным долинам бассейна Маи и Аяно-Охотского районов в целях выявления покосных угодий и возможных огородов и пашен для желающих осесть бродячих тунгусов.

2. Нужно обратить самое серьезное внимание на неоднократно отмеченные мною провалы пашен на лесных расчистках по Алдану и Мае, повсеместное замерзание хлебов от ранних заморозков, частые, повсеместные наводнения и чрезвычайную болотистость и кочковатость покосов. Здесь является настоятельная потребность в изучении агрономических условий районов, что могло бы дать указания и в смысле возможных мер борьбы с этими явлениями. Так, напр., возможно, что лесные расчистки-пашни, производимые не вблизи реки, на первой террасе, как теперь, а дальше и выше, может-быть оказались бы более отвечаю-

ЭР01003

щими целям и явили бы иные условия. Возможно, что замерзание хлебов зависит и от неумения выбирать места для посевов. Может-быть выход найдется в применении каких-нибудь скороспелых семян или скрещивании их и т. п. Возможно, что болота и кочкарники покосов могут быть также превращены тем или иным способом в более годные луга. И на многие подобные вопросы можно бы получить положительные ответы в результате обследования, каковыми данными население могло бы руководствоваться. От удовлетворительного решения вопроса и возможности тех или иных улучшений этих неблагоприятных естественных условий будут зависеть не только развитие сельского хозяйства и земледелия у тунгусов, но и возможность сельско-хозяйственной колонизации по системе Алдана вообще.

3. Отмечавшаяся уже не раз убыль пушного зверя в лесах выдвигает на очередь и вопрос о принятии мер к предупреждению полного исчезновения его, а отчасти и к искусственному разведению тех или иных ценных видов. Без этого тунгусам грозит лишение главного источника их существования, что чревато для них большими бедами, так как на ослабление зависимости их от состояния промыслов, путем перевода на оседлость, не приходится рассчитывать в ближайшем будущем; осесть сможет, вероятно, лишь некоторая часть. А этим диктуется необходимость устройства питомников, заповедников и заказников, к организации какового дела необходимо приступить возможно скорее.

4. Необходимо, наконец, обратить сугубое внимание на быстро падающее во всем крае оленеводство. Несомненно, в значительнейшей части территории олень еще долгое время будет играть роль единственной транспортной силы, без которой исчезнет всякая возможность сколько-нибудь удобных сообщений. Ввиду этого оленная проблема должна быть безотлагательно изучена, со скорейшим созданием оленных баз, в целях рационализации и развития этой необходимой для края отрасли хозяйства. Здесь есть возможность воспользоваться опытом соседней Аляски.

Кроме всех этих желательных мероприятий, полезных и нужных для всех тунгусов, имеется еще ряд нужд и нестроений местного характера, присущих тому или иному району, также не благоприятствующих улучшению положения его обитателей и также требующих своего изжития. Сюда надо отнести следующее:

1. Богатому сравнительно и пушным зверем и, несомненно, ископаемыми и годному к тому же местами для оседлого хозяйства Юдомо-Аллахскому району, как я говорил уже, грозит опустение. Нельзя допускать до этого. Нужно открыть в Аллахском районе небольшую факторию, которая взяла бы в свои руки дело нормального снабжения местных тунгусов, избавив их тем от эксплоатации разных хищников. Наличие такой снабжающей организации привлечет туда население еще и

ЭР01003

из соседних районов (тяга к этому имеется), а это позволит, в свою очередь, выделить Юдомо-Аллахский район в самостоятельный, отдельный наслег. С присоединением же к этому еще открытия там школы с показательным хозяйством, совокупность новых условий этих будет стимулировать и оседание бродячих тунгусов на оседлое хозяйство, к чему там имеются, хоть и в небольшом масштабе, благоприятствующие данные.

2. Между двумя средними (2-м и 3-м Эжанскими) и двумя нижними (1-м Эжанским и Кюпским) наслегами Алдано-Майского улуса издавна существует некоторый антагонизм (отдаленный Бытальский наслег стоит в этом отношении особняком). Как выборный голова улуса в прошлом, так и председатель и члены УИК в настоящее время, вели и ведут политику односторонней защиты интересов своих наслегов, в ущерб интересам других, что являлось и является источником постоянных споров, нареканий и взаимного недовольства и обид между наслегами. Недовольство и жалобы возникают на почве пользования покосами, распределения подводной и иной повинности (когда бывает) и т. п. Но такое же отсутствие единомыслия и беспристрастия наблюдается зачастую и внутри наслегов, где более или менее тесно спаянная группа сравнительно более сильных элементов решает нередко общественные дела в ущерб интересам менее спаянной и разрозненной бедноты, к тому же зависящей сплошь и рядом экономически от первой. Не мало содействует такому ненормальному положению отсутствие не только в нассоветах, но и в самом УИК, достаточно грамотных работников, могущих свободно разбираться во всех присылаемых современных циркулярах, декретах и положениях. Трудно, однако, указать меру, могущую радикально изменить положение. Единственно, что можно рекомендовать сейчас, — это дать тунгусскому УИК одного хорошего работника, в качестве члена-секретаря УИК или члена-инструктора его, который, разбираясь свободно во всех касающихся туземцев законоположениях и декретах, мог бы вести строго объективную и твердую руководящую линию при решении всех улусных дел.

3. Между 2-м Эжанским и Бытальским наслегами раскинулся на сотню с лишком километров по Алдану 3-й Эжанский наслег. В настоящее время наслег этот, чрезвычайно ослабленный и полувымерший от разных причин, состоит всего-навсего из 12 хозяйств, обитающих почти исключительно в двух концах своей территории (середина ее километров на 100 почти совершенно безлюдна). Но эти 12 хозяйств как наслег имеют, конечно, свой отдельный совет, со всеми присущими ему разносторонними административными функциями и их носителями Понятно, что чуть не все население состоит в тех или иных должностях, отрывающих их от хозяйства. Имеется желание слиться с этим наслегом у 16 хозяйств якутов, обитающих в районе устья речки Мили.

ЭР01003

Но если и осуществится это, в наслеге окажется лишь 28 хозяйств, чего все же мало для наслега, и служебно-административная работа будет отнимать у населения много времени или будет вестись очень слабо за недостатком работников. Представлялось бы рациональным, поэтому, ликвидировать наслег этот как самостоятельную административную единицу, присоединив южную часть его к Бытальскому, а северную—ко 2-му Эжанскому наслегам, или усилив его приселением новых хозяйств из тунгусов, если найдутся желающие осесть там, или нуждающихся в земле якутов. В этом последнем случае там нужна будет конечно и школа, как и в остальных наслегах улуса.

4. В пору гражданской борьбы с района урочища Хотоння, на р. Учуре (бывшее место тунгусских ярмарок) ушли 80 охотников бродячих тунгусов с семьями в район Чумукана. В настоящее время обширный район этот, соседний с Бытальским наслегом Алдано-Майского улуса, совершенно пустует. Но у алданцев держится слух, что ушедшие учурцы хотят вернуться обратно, в свои места, от чего их удерживает лишь опасение очутиться в положении лишенных снабжения. До революции они снабжались товаропродуктами от торговцев, приезжавших на ярмарку, в Хотонню, куда никто, конечно, не ездит теперь.

Следовало бы, думается, поставить в одно из заданий Бытальской фактории Якутторга войти в связь с этими туземцами и если окажется, что слух верен, выяснить — могла ли бы она забрасывать в Хотонню нужное снабжение и насколько это было бы целесообразно, принимая во внимание, что снабжение через более близкий Чумукан (морем) должно представляться теоретически более дешевым, чем кружное и дальнее снабжение с запада.

5. Говоря об алданских тунгусах, нельзя обойти молчанием и небольшую группу обитающих среди них якутов. Я говорю об упоминавшемся уже мною клине их, втиснувшемся между 2-м и 3-м Эжанскими наслегами, по реке Бериги и другим. Их там всего 12 хозяйств. Предки их когда-то, в числе двух семейств, выселились туда с р. Амги, из Кеннинского наслега Ботурусского улуса (ныне 1-го Амгинского). Размножившись за долгие годы обитания тут, путем многократной метисации с местными тунгусами, они в настоящее время лишь номинально числятся якутами, являясь фактически теми же тунгусами, с их нравами и обычаями и лишь с очень незначительной долей якутской крови. Но номинальность эта связывает их тем не менее административно с их коренным наслегом, Кеннинским, отстоящим оттуда за 200 *км*, куда они вносят все причитающиеся с них по наслегу сборы и повинности. Никакого участия в общественной работе наслега они не принимают, конечно, живя от него в таком отдалении, равно как не бывают никогда там и на собраниях. Явно ненормальное положение это,

ЭР01003

связанное с рядом неудобств, несколько лет тому назад побудило часть этих якутов просить о присоединении их ко 2-му Эжанскому наслегу тунгусов, согласие которого уже имелось. Было получено затем согласие и Алдано-Майского УИК, 1-го Амчинского УИК и Окрисполкома. После этого переписка для окончательного утверждения, по заверениям Алдано-Майского УИК, была направлена в Якутский ЦИК, ответа откуда на ходатайство это не было получено. Тем временем, несколько хозяйств из этой группы якутов, не хлопотавшие о присоединении к тунгусам, переселились обратно на свою прародину, где сели на числившиеся за ними участки, сохраняя в то же время за собою и оставленные ими угодья по Алдану, как резерв на годы бессенницы по Амге, и ведут теперь политику сохранения земель этого клина якутов вообще за Кеннинским наслегом, и сохранения старого ненормального положения, характерного в истории вытеснения тунгусов якутами.

Полную аналогию с этими якутами, по рассказам тунгусов, составляют и упоминавшиеся 16 хозяйств якутов, обитающих в районе устья Мили. И там они номинально лишь числятся якутами, прикрепленными административно к одному или двум наслегам якутов по Амге, являясь, в сущности, тунгусами, и также просят о присоединении их к соседним тунгусам, ввиду полной оторванности от своих удаленных наслегов. Разница лишь в том, что там не слышно пока о препятствиях к слиянию.

Вопрос тут настолько простой и ясный, что решение его не должно вызывать никаких споров. В отношении кеннинских якутов необходимо просто кому-то на кого-то нажать, чтоб положить конец бумажной волоките и присоединить якутов этих к тунгусам 2-го Эжанского наслега, с которыми они давно уже в близком и кровном родстве. Также необходимо и присоединение без всяких оттяжек и мильских якутов к третьеэжанцам (при решении ликвидировать этот наслег — он вместе с этими якутами может отойти к бытальцам). Сохранение земельных резервов внутри тунгусских районов якутами, живущими за 200 *км* на своих землях, или численне за собой живущих там якутов наслегами, отстоящими так далеко, не что иное, конечно, как продолжение давнего оттеснения тунгусов якутами.

6. В связи с этими земельными отношениями можно поставить вопрос и вообще о границах земель между якутами и тунгусами, также представляющийся далеко не нормальным. Дело в том, что граница эта, чисто искусственная, идет пересекая речки, впадающие слева в Алдан, в 25 — 40 *км* от их устьев. В результате низовья речек километров на 25 — 40 от Алдана принадлежат тунгусам, а верховья их и средние течения (у больших) — якутам разных наслегов, расположенных за Алдано-Амгинским водораздельным хребтом, километрах в 150—250 от этих мест. Эта вторая категория земель якутов по речкам Алдана чаще

ЭР01003

всего необитаема и представляет в большинстве покосный резервный фонд, куда переселяются якуты на покос и зимовку в годы недорода сена у себя дома (более сильные хозяйства пользуются этими покосами и в годы достатка сена). В остальное время земли эти пустуют, зарастают разными сорняками и кустарниками, а частью и заболачиваются за беспризорностью. Никаких очисток, осушек и вообще каких-нибудь забот по улучшению угодий никем там конечно не ведется. А между тем все эти кочкарные и часто болотистые долины речек богаты, тем не менее, кормовой травой, могущей, при некотором приложении труда, обеспечить порядочное скотоводство. На лесных же расчистках хорошо родятся огородные овощи. Не лишено вероятия, что, при соответствующем освоении и изучении района, там окажется возможным и хлебопашество, по крайней мере местами. Пока же это пустой район, заселяющийся частично и временно только в годы засухи по Амге. Только по большим речкам, как Нотара и Миля, встречаются кое-где одиночные юрты редких постоянных жителей якутов, оторванных от своих наслегов на 150—200 *км*.

Положение явно ненормальное. Представлялось бы целесообразным совершенное изменение этой границы между якутами и тунгусами проведением ее по водоразделу между Алданом и Амгой. Это более соответствовало бы нормальному районированию, так как таким образом к Алдану был бы отнесен естественно тяготеющий к нему экономически и географически однородный с ним район. А так как самих алданских тунгусов мало для занятия всех этих часто пустующих, хоть и небольших угодий (при правильном распределении им хватит вполне и своих земель), то следовало бы заселить их желающими осесть бродячими тунгусами, если найдутся на это охотники, или нуждающимися в земле якутами и другими (емкость речек мала и для заселения потребуется совсем немного хозяйств), но с непременным присоединением всего района административно к Алдано-Майскому тунгусскому улусу. При этом, осевшее на постоянное жительство население систем таких значительных речек, как Нотара и Миля, имеющих до 200 — 250 *км* протяжения, могло бы удобно быть выделено в самостоятельные наслеги, в составе того же Алдано-Майского улуса.

7. Большим злом на Алдане является, наконец, и начинающееся распространение игр в карты и лото, особенно первого, в чем тунгусы проявляют большую азартность; бывают случаи, когда тунгус проигрывает все, до шубы и обуви с себя включительно. Втянувшись же в игру, они уже не могут потом отстать; мне приходилось встречать слепых игроков, картежничающих с подсказывающим карты помощником. Злостно обыгрывающими партнерами являются частью якуты, среди которых нередкость теперь шулеры; тунгусы искусству этому

ЭР01003

пока еще не научились. Играют они, конечно, и между собой, но тут нет хоть шулерства. В азартную превращается и занесенная недавно невинная как-будто игра в лото. В последнее время начинает прививаться от соседей-якутов еще новый вид азарта — это конские скачки, на которые просаживаются весьма значительные для тунгуса средства. Мне попадались на пути якуты гастролеры, приехавшие издалека со специальной целью посостязаться на своем скакуне с кем-нибудь для выигрыша более или менее солидного куша. Все это наносит несомненно чувствительный урон и без того слабому бюджету тунгусов. Со всем этим необходима более серьезная борьба, чем практикующаяся система мелких штрафов, в редких случаях поимки игроков в азартные игры. Должен быть совершенно прекращен ввоз в туземные районы карт и лото и объявлена более серьезная борьба с игрой в них. Точно также должны быть запрещены всякие конские бега на пари, под страхом конфискации состязающихся лошадей или иной равносильной меры воздействия, с возложением на местные наслежные власти обязанности отбирать бегунцов или карать иначе наезжающих в этих целях гастролеров.

Остановлюсь немного в заключение на результатах, полученных от этих разъездов по бродячим и полуоседлым тунгусам.

Записан за всю поездку значительный этнографический и туземно-экономический материал с характеристикой районов обитания тунгусов. Наиболее значительный материал собран по материальной культуре тунгусов и по промыслам их. Много записей получилось: по верованиям, суевериям, приметам и т. п. К сожалению, не удалось получить данных по старым, собственно тунгусским верованиям, уже совершенно забытым и замененным якутскими представлениями. Небольшой количественно, но интересный материал записан по обычному праву. Порядочно записей по социальному строю, фольклору. Удалось собрать и небольшой словарный материал, с записью грамматических форм и одним маленьким текстом. Плюс к этому в результате руководства переписной работой и сбора некоторых данных помимо переписи, имеется значительный статистический материал, обрисовывающий хозяйственно-экономическое положение тунгусов. Собрано, наконец, десятка три карт разных речек и районов, начерченных тунгусами, и свыше сотни рисунков тунгусских детей, младшего школьного и отчасти дошкольного возраста. В общей сложности, весь материал, по соответствующей обработке, составит труд в 40 — 50 печ. листов.

Велось наряду с этим и фотографирование разных этнографических и характерных пейзажных сюжетов, давшее, к сожалению, печальные результаты, объясняемые рядом неблагоприятных условий. Прежде всего был неисправен аппарат, полученный после целого года работы

ЭР01003

в другой экспедиции. Плохие и сами-то по себе пластины „Red Star," отправленные из Ленинграда по почте, были получены в Якутске сильно подмоченными. Ко всему, матовое стекло аппарата, равно как и запасное были разбиты в самом начале пути, а выдвижной винт почти не работал, что, при ослабевшем от постоянной работы при свече зрении крайне затрудняло наводку на фокус. В результате около двух с половиной десятков дюжин снятых пластин дали серые нечеткие негативы, в значительной части и не в фокусе.

Производилось вместе со всем этим и собирание этнографических экспонатов. Собирались они для Якутской комиссии, но в очень незначительном количестве, благодаря крайней ограниченности отпущенных на это средств. Всего было отправлено в адрес Комиссии 72 номера предметов бродячего тунгусского быта (снаряжение охотника, вьючное снаряжение, некоторые зимние одежды, шаманские вещи и т. п.) и один якутский шаманский костюм. Собрана был зато, с согласия Якутской комиссии, значительная систематическая коллекция (около 600 номеров) предметов материальной и духовной культуры тунгусов для Якутского областного музея, затратившего на это около 1600 руб.

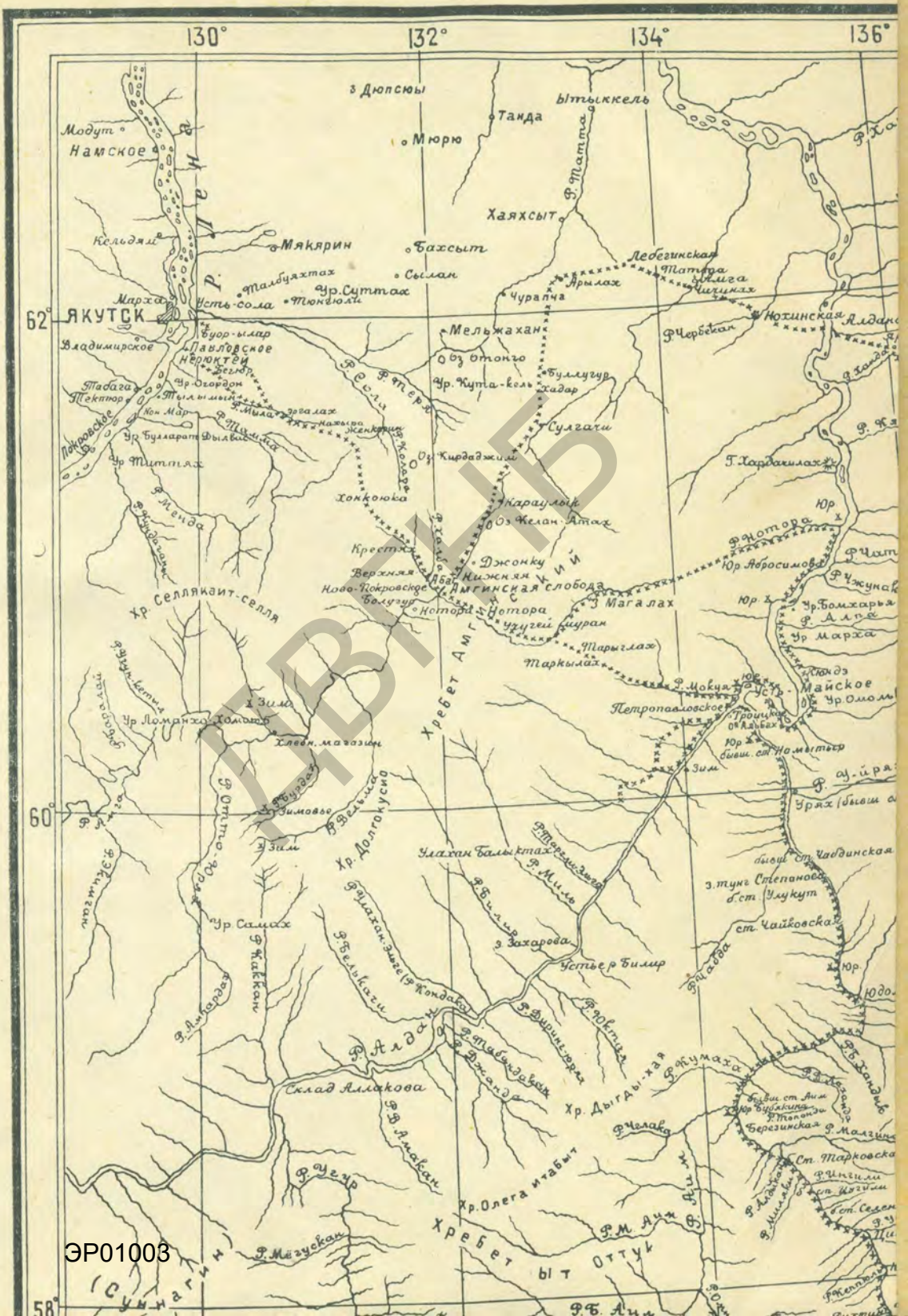
Заканчивая на этом свой краткий отчет, пользуюсь случаем выразить при этом свою искреннюю признательность за полезное и ценное в высшей степени содействие мне в моих работах и передвижениях всем государственным и общественным учреждениям и организациям и должностным лицам, к которым приходилось обращаться по ходу работ. Если бы не доброжелательное содействие их, несомненно работа экспедиции протекала бы в несравненно более тяжелых условиях.

ДВГНБ

ЭР01003

ДВГНБ

ЭР01003

130°
132°
134°
136°
62°
60°
58°
ЯКУТСК
Намское
Модут
Мякярин
Кельдям
Марха
Усть-сола
Тюкюлю
Талбуяхтах
Ур. Суттах
Бахсыт
Сыпан
Дюпсюы
Мюрю
Танда
Ытыккель
Хаяхсыт
Лебегинская
Татта
Амга
Чиличах
Арылах
Чурапча
Мельжахан
Оз. Отонго
Ур. Кута-кель
Буллугур
Хадар
Сулгачи
Оз. Кирдаджим
Караулык
Оз. Желан-Атах
Джонку
Нижняя Амгинская слобода
Верхняя Амга
Ново-Покровское
Волугур
Нотора
Чугучей
Мирам
Таркылах
Тарылах
Магалах
Петропавловское
Троицкое
Майское
Ур. Омоль
Ур. Бомхарыя
Ур. Марха
Ур. Ломанх-Хомотор
Хлебн. магазин
Зимовье
Ур. Самах
Улахан Балыктах
Захарова
Устье р. Бимир
Склад Аллакова
Ур. Суттах
Тюкюлю
Хр. Дыгды-хая
Хр. Олега итабыт
Хребет Ытыт Оттук
Хр. Селлякаит-селла
Хр. Долгокусо
Хребет Амгинский
Р. Лена
Р. Алдан
Р. Амга
Р. Тимптон
Р. Мала
Р. Тюнгюлю
Р. Мегюскан
Р. Чугур
Р. Амакан
Р. Чумаха
Р. Челака
Р. Кандыкан
Р. Мильгичан
Р. Бимир
Р. Ботулу
Р. Ботулу-Юрях
Р. Какскан
Р. Ботулу-Бастах
Р. Ботулу-Бастах-Юрях
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель
Р. Ботулу-Бастах-Юрях-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй-Кюель-Кетяй

2р..

ДВГНБ

ЭР01003

ДВГНБ

ЭР01003

ЭР01003